

АНОНИМ-ТЕРКНИС

8770
Ф. 6. 1

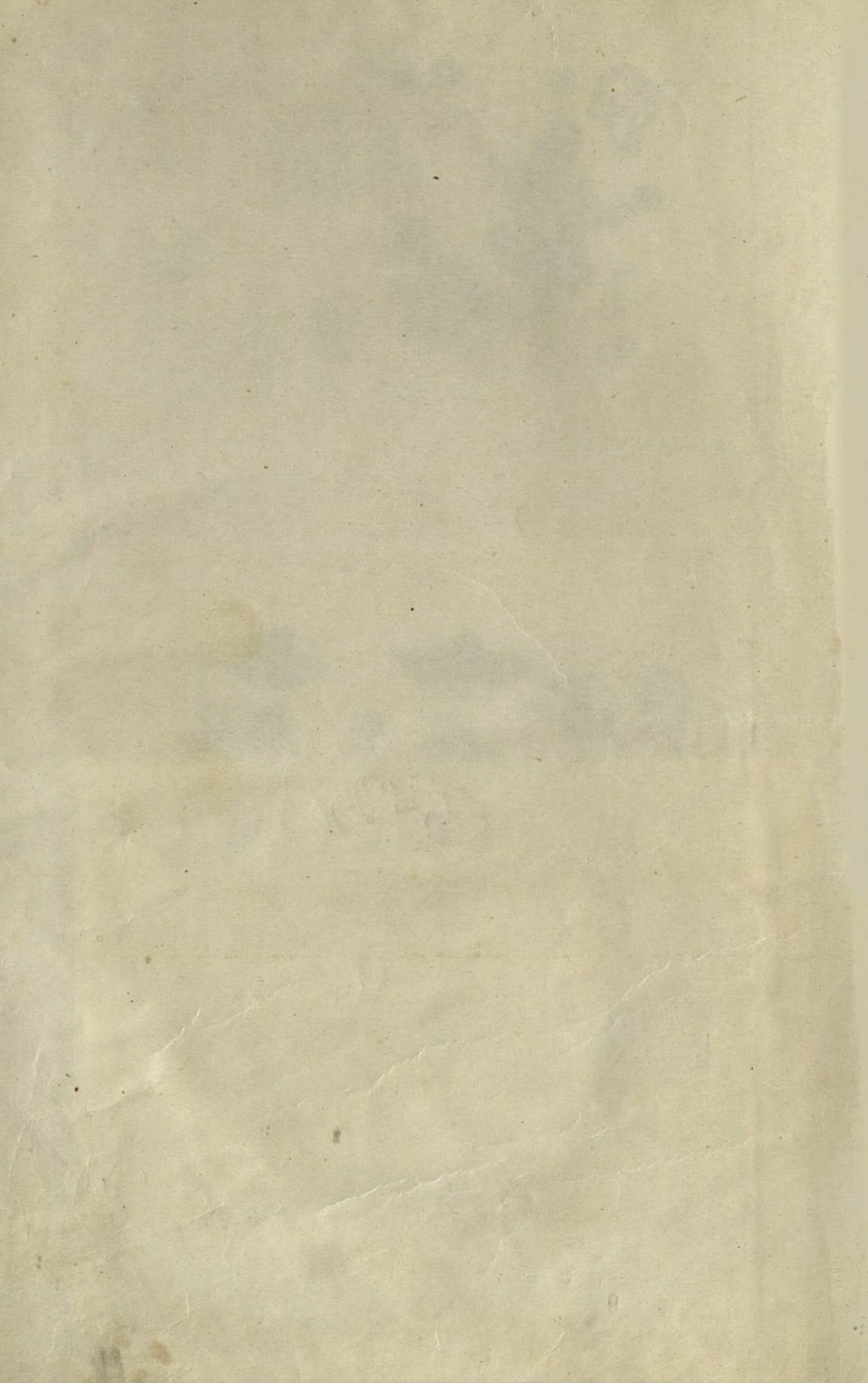
日本国京都府
西京区

540582

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ж. Соколов

84/0

Ф 67

Люси ФИЧ-ПЕРКИНС

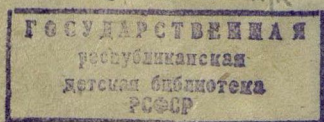
МАЛЕНЬКИЕ ЯПОНЦЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1571

510582 к/к

Изв. № 1911.

(Р. В. Ц. Москва).

Напеч. 35.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х. Москва Пятницкая, 71.

Маленькие японцы.

Далеко-далеко отсюда, около западных берегов огромного океана лежат большие прекрасные острова. Люди называют этот океан *Большим*, или *Тихим*, а острова — *Японскими*. Возьмите географическую карту, и вы найдете на ней все эти названия.

Я уверена, что эти острова действительно показались бы вам прекрасными. Круглый год светит там яркое солнышко, и так бывает тепло, что ребяташки целые дни играют на улице. При этом ни в какой другой стране, кажется, дети не чувствуют себя так свободно, как в Японии; они знают, что никто не прикрикнет на них, никто не надаст им под сердитую руку шлепков. Японцы никогда не наказывают своих детей.

В маленьком городке, на одном из этих островов, есть сад; в саду стоит дом, и в этом доме живут мальчик Таро и девочка Такэй. Они близнецы, и обним им недавно исполнилось пять лет.

Конечно, Таро и Такэй живут в этом доме не одни; кроме них, вы найдете там еще их отца, мать, бабушку, уже совсем старенькую, и ребеночка, еще совсем крошечного.

Таро и Такэй не помнят, когда появились на свет их отец и мать, потому, что они уже жили, когда родились близнецы. И близнецы не теперь могут представить себе, как это могло быть, чтобы на свете совсем не было их родителей и бабушки.

Ребеночек совсем другое дело. Еще недавно его не было на свете, потом он вдруг откуда-то появился в

их семье и, как это ни странно, сразу почувствовал себя у них как дома, словно он уже давно жил вместе с Таро и Такэй.

„Таро“ это значит старший сын; ребеночка нужно было бы назвать „Джиро“, что значит „второй“, так как он был в семье второй сын. Но с самого рождения его по имени-то звали Бот-Ченом, так всегда называют в Японии маленьких мальчиков.

Слово „Такэй“ означает по-японски „бамбук“. Отец и мать называли так свою маленькую дочку потому, что надеялись, что их девочка, когда вырастет большая, будет такая же высокая и стройная, как бамбук.

Таро и Такэй думают, что на свете ничего не может быть лучше их отца, матери, бабушки, маленького братца и их домика в саду, посредине такого смешного городка на одном из японских островов. Может-быть, это и так, только ведь близнецы никогда не жили в другом месте и никого другого не видали; поэтому я не знаю, как они могут быть так твердо уверены в этом.

Вот я и хочу теперь рассказать вам про Таро, Такэй и ребеночка, и про то, как они весело проводили время.

ГЛАВА I.

Как появился на свет ребеночек.

Однажды утром, когда Таро и Такэй стояли возле своего отца, в комнату вошла нянька, держа на руках большой сверток, завернутый в одеяло; этот сверток был очень странной формы, и внутри его что-то копошилось.

Лицо у няньки сияло, и она так весело улыбалась, поглядывая на детей, что близнецы сразу поняли, что в свертке должно быть что-то интересное, но что именно они никак не могли догадаться.

У Таро мелькнула мысль: не щенок ли это? Он уже давно мечтал о щенке.

Такэй же подумала: „Может-быть, это котенок?“ Но нет, сверток был слишком велик для котенка, и в нем ничего не было слышно, котята же всегда мяукают.

И они оба решили: „Во всяком случае это что-то живое!“

Нянька подошла к отцу, опустилась перед ним на колени и положила сверток на пол к его ногам. Отец казался очень удивленным, а Таро и Такэй испытывали такое же чувство, какое испытывают дети, когда, проснувшись в рождественское утро, они увидят свои чулки, набитые подарками. Они тоже присели на пол ря-

дом со свертком. Им очень хотелось поскорее открыть его, — так хотелось, что они едва могли удержаться от этого; однако, они сидели смирно, так как помнили, что нянька подарила этот сверток их отцу.

Таро только сказал:

— Это щенок?

А Такэй в то же самое время спросил:

— Это котенок?

Но отец заметил им:

— Как же я могу сказать вам это, когда я еще не развернул одеяло? Мы должны спросить няньку. Что там такое, Натсу?

И Натсу оперлась ладонями своих рук на циновку, покрывавшую пол, и, поклонившись почти до земли, сказала:

— Это твой сын, господин. Хочешь ты принять его?

Тогда отец тоже присел на пол рядом с близнецами. Он взял на руки копошившийся сверток, развернул одеяло, — и в нем оказался крошечный мальчуган с маленькими черными глазками и таким смешным пучком волос, торчавшим кверху на самой макушке гол вы.

— О! О! Это, правда, наш ребеночек? Настоящий, живой ребеночек! — закричала Такэй.

— Хочешь ты, чтобы он остался у нас? — спросил отец.

Такэй от радости даже захлопала в ладоши.

— Конечно! — воскликнула она. — Тогда у меня будет мой собственный маленький братец, и я могу носить его на спине, как носит своих братьев О Кикү Сан. Эга О Кикү Сан такая гадкая, она никогда никому не уступит своих братьев! Пожалуйста, дайте мне поддержать его.

Она протянула свои ручонки, и отец осторожно положил на них ребенка.

Таро был так поражен тем, что в свертке оказался живой ребенок, что сначала не говорил ни слова, и только с удивлением молча поглядывал на всех.

— Что же ты молчишь, Таро? — спросил его отец. — Разве тебе не понравился твой братец?

— Он мне еще больше нравится, чем щенок, — с важным видом ответил Таро.

А это для Таро много значило, потому что ему уже давно хотелось щенка.

— Да, я тоже больше рад ему, чем щенку, — сказал отец.

Ребенок сморщил свой носик, открыл крошечный рот и залился громким плачем. Трудно было даже представить себе, чтобы таким маленьким ротиком можно было кричать так громко. Потом ребенок начал еще больше возиться в своем одеяльце.

— Тише, тише, крошка! — сказала Натсу. — Иди к своей старой Натсу, и она опять отнесет тебя к твоей маме.

— Дай мне понести его, — попросила Такэй.

— Нет, мне! — воскликнул Таро.

Но Натсу сказала им:

— Нет, нет, я сама отнесу его. Но если хотите, вы можете оба пойти со мной повидать свою мать.

Тогда Таро, Такэй и их отец пошли тихонько на ципочках в комнату матери и сели на пол около ее постели.

В Японии всегда сидят не на стульях, а на полу. Постель матери также была постлана прямо на пол. Она состояла из нескольких толстых стеганных одеял; подушкой служил просто маленький деревянный чурбашек. Вам, наверно, показалось бы очень неудобным спать на такой подушке, но мать близнецов привыкла к ней. В Японии все женщины подкладывают себе под голову деревянные чурбашки, чтобы не испортить своих пышных замысловатых причесок. Мать близнецов и сейчас имела такой вид, словно она только что собиралась идти гулять.

Дети с любопытством смотрели на ребеночка. Бот-Чэн делал то же самое, что делают все дети в его возрасте. Он засунул себе в рот свой маленький кулачек и с преважным видом начал сосать его; потом вытащил кулак изо рта и ударил им себя по носу — по та-

кому смешному маленькому носику, не больше пугови. Затем он широко открыл свой ротик и зевнул.

— Смотрите, как бедный малыш хочет спать, — сказала близнецам мать. — Бегите теперь играть, а он пусть поспит немного.

Таро и Такэй вышли тихонько из комнаты и уселись на верхней ступеньке крыльца, ведущего в сад. Стояла весна, и деревья в саду только что развернули свои листочки. На небе сияло яркое солнышко; маленькая желтая бабочка, вылезшая в этот день из своего тесного кокона, перелетала с цветка на цветок.

— Мы тоже прежде были такие же маленькие, как Бот-Чэн, — с глубокомысленным видом сказала Такэй, следя глазами за порхавшей бабочкой.

— Да, наверно, — подтвердил Таро. — И мы выросли из корней дерева, — так сказала мне Натсу.

— Интересно бы узнать, из какого дерева! — воскликнула Такэй.

— Конечно, это одно из деревьев, растущих в нашем саду, — сказал Таро, — иначе мы не жили бы здесь.

— Подумай только, Таро, как было бы ужасно, если бы мы выросли в каком-нибудь другом саду!

При одной мысли об этом лицо Такэй приняло испуганное выражение. Таро тоже эта мысль была видимо очень неприятна.

— Пойдем в сад и поищем там дерево, из которого вырос Бот-Чэн,—предложила Такэй.—Он только что родился, поэтому нам не трудно будет найти то место.

Дети спустились скрыльца в сад. Как бы мне хотелось показать вам его! Сколько там было чудесных местечек! Сад был совсем небольшой; но в нем была устроена маленькая, словно игрушечная, горка и крошечное озеро, в котором плавали золотые рыбки, и в которое впадал маленький ручеек. Но лучше всего был малень-

кий выпуклый мостик, перекинутый через этот ручеек и выкрашенный в красную краску. Этот мостик был сделан как раз такой величины, чтобы по нему могли проходить близнецы, конечно, если они будут вести себя смирно и не вздумают на нем прыгать. Весь этот сад устроил для отца

близнецов их дедушка, и отец играл в нем, когда был еще совсем маленьким мальчиком. Поэтому-то близнецы и любили так этот садик.

Берег озера был засажен ирисами и лилиями, а посреди больших камней, лежавших у подножия горки, росла такая смешная маленькая сосна—совсем, совсем маленькая, всего в аршин с лишним вышиной.

Близнецы перешли через красный мостик и вскарабкались по камням к тому месту, где росла сосна.

— Как ты думаешь, не вырос ли Бот-Чэн из этой сосны?— шопотом спросила Такэй.

— Очень может быть; сосна совсем одного роста с Бот-Чэном,—так же шопотом ответил ей Таро.

Близнецы внимательно оглядели кругом старый сучковатый ствол сосны. Трудно было представить себе, что это маленькое деревцо на самом деле было уже очень старое. Однако японцы умеют выращивать такие карликовые деревья, и наши огромные столетние дубы

и сосны у них достигают в высоту всего несколько футов. Конечно, той сосне, около которой стояли близнецы, не было еще ста лет, потому что ее посадил их дедущка, когда отец близнецов был маленьким мальчиком, ну а отцу их было еще далеко до ста лет.

— А я все-таки не думаю, чтобы наш малыш родился здесь,—сказала Такэй после того, как они внимательно осмотрели землю кругом сосны.—Посмотрим лучше под сливой.

Дети побежали на другой конец сада, где росла старая слива, и так же тщательно исследовали кругом все место. С той стороны дерева, которая была обращена к солнышку, почти у самой земли, от ствола отходила свежая тоненькая веточка, вся усаженная крошечными розовыми бутонами, уже совсем готовыми распуснуться.

— Таро, Таро, посмотри сюда! — закричала Такэй. — Наверно, из этой ветки и вырос малыш. Ведь на всем дереве нигде больше нет таких свежих бутонов. Снесем ее домой и поставим в вазу.

— Давай я сломаю ее, я сильнее тебя, — сказал Таро.

Он осторожно сломил веточку в том месте, где ему показывала Такэй, стараясь не порвать коры, чтобы не повредить этим самого дерева.

Дети отнесли ветку домой. В одном углу комнаты была устроена в стене небольшая ниша. Такая ниша бывает почти в каждом японском доме. Ее стараются всегда украсить как можно лучше. Обыкновенно на стену ниши вешают одну, две, а то даже и три картины в виде длинных узких полос. Перед картиной всегда ставят маленький столик, а на него вазу с цветами или веткой, покрытой свежими зелеными листьями. В Японии маленьких девочек с детства приучают составлять изящные букеты и убирать цветами комнату. Поэтому ниша бывает обыкновенно убрана очень красиво.

Такэй налила в вазу воды. Потом она вставила в ее горлышко маленькую палочку с развилкой на конце и оперла на эту развилку сорванную с дерева длинную ветку, чтобы она не вывалилась из вазы. Девочка долго поворачивала ветку то в одну, то в другую сторону, стараясь приладить ее как можно красивее, потом она позвала Таро, чтобы он любовался на ее работу.

На задней стене ниши висела картина, на которой был нарисован черный ворон, сидящий на ветке сосны. Ворон сидел нахохлившись и имел ужасно несчастный вид, так, как лил сильный дождь. Близнецы долго смо-

трели молча на эту картину. Скоро к ним подошел отец; тогда Таро сказал:

— Мне не нравится эта картина; она совсем не подходит к нашей хорошенькой сливовой ветке. Ворон сидит такой печальный, а нам всем сейчас так весело.

— И по-моему тоже, — сказала Такэй.

— Я согласен с вами, — подтвердил отец. — Хотите, пойдемте сейчас в Куру и выберем там какую-нибудь другую картину повеселее.

Таро и Такэй запрыгали от радости и захлопали в ладоши. Их очень обрадовало предложение отца пойти в Куру.

„Курой“ в Японии называется маленький негоряемый домик в саду. На нашем рисунке, изображающем сад близнецов, виден из-за горки уголок его крыши. В этом домике Таро, Такэй, их родители и бабушка хранили свои самые драгоценные вещи. Поэтому-то близнецы и рады были сходить в Куру.

Почти каждая семья в Японии имеет у себя в саду такой маленький безопасный от пожара домик. Может-быть, вы сами догадаетесь, почему это так важно для японцев. Вы, наверно, слышали, что в Японии очень часто бывают землетрясения? А во время землетрясений рушатся иногда целые города. Поэтому дома там строят обыкновенно из какого-нибудь легкого материала, например, из дерева или бумаги. Такой дом, падая, причинит живущим в нем людям гораздо меньше повреждений, чем тяжелые кирпичные дома. Зато в таких домах очень легко может сделаться пожар. Поэтому японцы и хранят свои наиболее ценные вещи в Куру. Пожары в Японии бывают очень часто; Таро уже много раз видел их, хотя ему исполнилось всего только пять лет. Точно также близнецы пережи-

ли уже несколько землетрясений и так привыкли к ним, что теперь почти перестали их бояться, все равно как вы не боитесь, вероятно, грозы.

Самые лучшие змеи Таро были спрятаны в Куре: большой змей, сделанный в виде дракона, занимал там даже отдельный ящик. Все 35 кукол Такэй также хранились в Куре. Однако я и забыла, что хотела рассказывать вам совсем не о змеях и куклах, а о картине, изображающей ворона, и о том, что с ней сделали.

Отец близнецов снял эту картину со стены и свернул ее в трубку. Потом он взял Таро и Такэй за руку и отправился с ним в сад; он отпер ключем дверь, ведущую в Куру, и они вошли все вместе в домик. В комнате был полумрак, но воздух был наполнен каким-то сильным приятным запахом. По стенам комнаты были развешены полки, и на них стояло множество больших и маленьких ящиков. Отец снял с верхней полки три, совершенно одинаковых на вид ящика. Он открыл первый из них и вытащил оттуда аккуратно свернутую в трубку картину, перевязанную шелковым шнурком. На картине была нарисована японка, бегущая, чтобы снять с веревки развешанное на ней белье, потому что вдруг полил дождь. Отец приподнял картину и показал ее близнецам.

— Хо-хо!—рассмеялся Таро,—женщина так торопилась, что даже потеряла свой башмак.

— Она такая же мокрая, как и ворон,—сказала Такэй,—и наверно ей это также неприятно.

— А когда она добежит до веревки, она еще больше промокнет, не так ли?—весело заметил отец.—Тучи собрались как раз над ее головой. И—ой, Господи, как ужасно дует ветер! Да, эта картина, правда, не подходит к вашей свежей сливовой ветке.

Он открыл следующий ящик и вытащил из него вторую картину. Таро и Такэй долго молча смотрели на нее. Затем Такэй сказала:

— Какое нарядное платье у этой дамы! Когда я буду большая, я непременно сошью себе такое же платье.

— Но эта дама гуляет под зонтиком, и сверху на нее падает снег, — недовольно заметил Таро, — а сейчас нет никакой зимы.

Тогда отец развернул третью картину.

— Ну, а эта как понравится вам? — спросил он.

Картина изображала маленькую птичку, держащую в клюве кузнечика и летящую к своему гнезду, где уже под-

жидали ее три маленьких голодных птенчика, широко раскрывших свои клювики.

— О, вот эта картина мне очень нравится! — воскликнула Такэй. — Эта птичка, точно наша мама, которая кормит Таро, ребеночка, и меня. Повесим ее на стену!

Тогда отец заботливо свернул остальные две картины и уложил их на прежнее место. Он убрал также и картину с вороном.

Когда дверь в Куру была снова заперта, они пошли домой. Дорогой Такэй спросила отца:

— Правда, папа, Натсу говорила мне, что я должна слушаться Таро?

— Да, дочка,—ответил отец,—потому что ты девочка. Когда ты вырастешь большая, ты выйдешь замуж и будешь жить в семье своего мужа, всячески стараясь угождать ей. А пока ты должна быть хорошей умной девочкой и слушаться своего отца, бабушку, мать и своих братьев.

— Но ведь мне столько же лет, сколько Таро,—сказала Такэй,—и я знаю не меньше его. Почему же он не будет слушаться меня?

— Таро мальчик, — заметил отец,—а у нас в Японии такой уж обычай, что девочки должны повиноваться своим братьям.

— Как, значит, я должна и Бот-Чэна тоже слушаться?— снова спросила Такэй.

— Да, и Бот-Чэна тоже, конечно, когда он вырастет большой.

— А меня кто же будет слушаться?

— Вот погоди, когда ты будешь замужем, и твой сын женится, тогда жена твоего сына должна будет всячески стараться угодить тебе.

— А мой сын тоже?

— Нет, напротив, тебе придется слушаться своего сына, потому что он считается хозяином дома,—объяснил отец.

— Фу, как мне еще долго ждать!—вздыхнула Такэй.

Она надула губы и нахмурилась,—между ее бровями, как раз посредине лба, появилась одна крошечная поперечная морщинка.

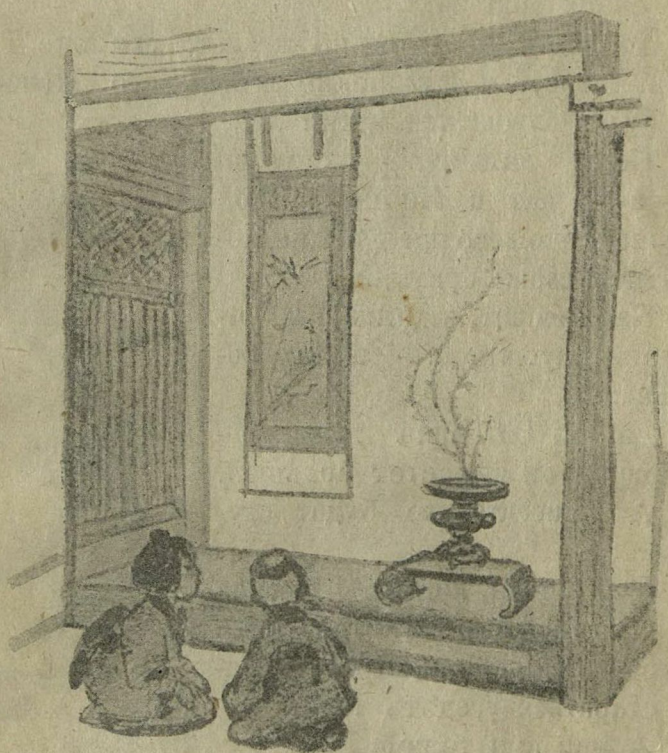
Маленькие японцы.

540582

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

— Та-та-та!—воскликнул отец.—Разве можно так хмуриться? Неужели ты не знаешь, что девочки должны всегда улыбаться и смотреть на всех ласково и приветливо?

Сконфуженная Такэй постаралась принять более веселый вид, и, странно, ей в самом деле стало как будто веселее.

Они вошли в дом и повесили картину с птичкой на то место, где прежде висел ворон, как раз позади вазы с сливовой веткой. На нашем рисунке показано, какой вид имела после этого ниша.

Такэй долго смотрела молча на картину, потом сказала:

— А мне даже приятно будет слушаться Бот-Чэна, потому что я очень люблю его.

— Я рад это слышать,—заметил отец.—Пойдемте теперь взглянуть на него.

Бот-Чэн не спал. Такэй встала на колени, чтобы лучше разглядеть своего братишку. Отец взял ребенка на руки и поставил его крошечную ножку на шею Такэй.

— Я делаю это в знак того, что ты обещаешь всегда слушаться его,—сказал он.

— Да, обещаю,—покорно ответила Такэй.

Мать, улыбаясь, посмотрела на свою девочку, затем повернулась к стене и вздохнула, но так тихонько, что никто не заметил этого ¹⁾.

¹⁾ И у нас в старину не отставали от японцев. На свадьбе отец невесты дарил жениху плетку. Это значило: „До сих пор я был господином, теперь будешь ты“.

Во всем мире женщина долго была рабой.

Но когда рабочие и крестьяне в России поднялись против богачей-господ, они убедились, какой сильный и верный товарищ в бою женщина. Стали ее ценить наравне с мужчиной и теперь в Советской России много девушек и женщин участвует в управлении страной.

И у японцев когда-нибудь настанет такое время.

Г Л А В А П.

Утро в маленьком домице.

Однажды утром, когда Бот-Чэну исполнился уже целый месяц, Таро проснулся очень рано. Его разбудили птички, которые громко распевали в саду: „Тюит, тюит, тюит! Утро настало! Утро настало!“ Таро услышал их песенку сквозь сон. Он повернулся на спину; затем сладко потянулся и уселся на кровати, усердно протирая себе глаза.

Свеча, стоявшая у изголовья его постели, вставленная в высокий бумажный фонарь, совсем выгорела, однако было уже настолько светло, что Таро мог различить на другом конце комнаты Такэй, которая сладко спала в своей постельке, подложив себе под голову маленькую подушечку.

Таро осторожно позвал ее:

— Такэй, Такэй, вставай!

Но Такэй спала так крепко, что не слыхала его.

Отец, мать и Бот-Чэн спали в соседней комнате, Таро не хотел будить их, так как было еще очень рано. Он вылез из-под одеяла, осторожно подкрался к Такэй и прошептал ей в самое ухо:

— Вставай, Такэй, вставай!

Однако Такэй не просыпалась. Тогда Таро взял перышко от сойки, которое он нашел накануне в саду, и пощекотал им в носу Такэй. Все еще не просыпаясь, Такэй почесала себе нос и громко чихнула. Затем она совсем открыла глаза и посмотрела на Таро.

— Тише, тише! — прошептал Таро.

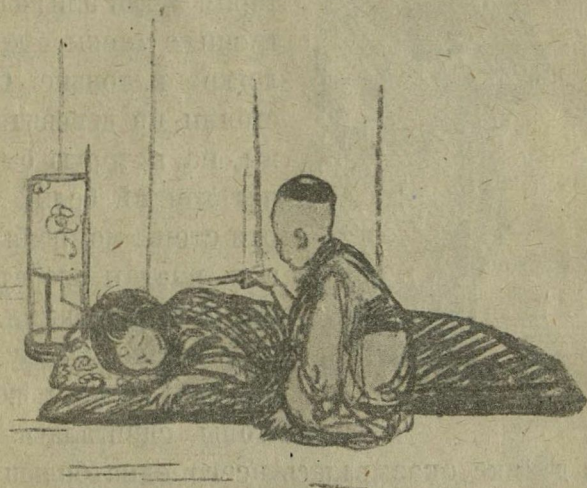
— Да ведь я еще не сказала ни слова, — так же шепотом запротестовала Такэй.

— Зато ты чихнула,—возразил Таро.—А это несколько не лучше. Ведь ты могла разбудить наших почтенных родителей.

— А зачем же ты тогда щекотал мой бедный нос?

— Затем, чтобы ты проснулась и послушала, как поют птички. Это гораздо приятнее, чем спать. И потом, ты разве забыла, что должно случиться сегодня? Ведь сегодня мы понесем Бот-Чэна в храм.

Вспомнив об этом, Такэй захлопала в ладоши.

— Как я рада!—воскликнула она и, выскочив из-под одеяла, встала на мягкую соломенную циновку, покрывавшую пол. В это время откуда-то очень изда-лека раздался звон большого гонга: „клинг, клинг, кланг“, а вслед затем послышалась барабанная дробь: „тум, тум, тр-р-ум“!

— Слышишь!—воскликнул Таро.—Это звонят в храме, и жрец выбивает на барабанае зорю. Значит вовсе уже не так рано.

— Да, сейчас мы наверно услышим стук бабушкиной палки, когда она пойдет будить служанок,—

отвечала Такэй.—Бабушка всегда просыпается, когда начинает звонить гонг.

И действительно, через несколько минут раздалось: „тук, тук, тук!“—Это бабушка стучала в деревянную раму картонной перегородки, за которой спали служанки.

У маленького, стоявшего в саду, домика, в котором жили близнецы, внутренние стены были очень легкие и тонкие. Они состояли из деревянной рамы, на которую был натянут тонкий белый картон. Эти стены можно было двигать взад и вперед по специально устроенным для этого на потолке и полу пазам, или жолобкам, и когда все стены сдвигались в одно

место, в домике оказывалась всего одна большая комната. Раздвинув снова перегородки, можно было в несколько минут сделать две или три комнаты. Благодаря таким тонким стенам, даже самый слабый звук разносился по всему дому. Поэтому-то близнецы и старались не шуметь.

В маленьком домике близнецов все должны были вставать с восходом солнца. Как только бабушка разбудила служанок, они сейчас же принялись за работу. Открывая на веранде ставни, они так шумели, что отец с матерью тоже проснулись. Теперь близнецы могли громко разговаривать между собой.

— Я оденусь раньше тебя,—сказала Такэй брату.

Она побежала в ванную, чтобы вымыть там лицо и руки. Таро вышел на крыльцо, где он всегда мылся в маленьком медном тазике.

— Смотри, вымой за ушами, Таро, — крикнула вслед ему Такэй. — И хорошенько чисти зубы!

Таро не мог ничего ответить ей, потому что держал во рту зубную щетку. Вместо ответа, он принялся изо всех сил тереть себе зубы. Затем он вернулся назад в спальню и оделся так быстро, что через несколько минут был уже совсем готов и выбежал в сад. Такэй в это время только еще начала одевать свое кимоно. Дело в том, что все платье Таро просто запахивалось спереди, и на нем не было ни одной пуговицы, которую нужно было бы застегивать. Поэтому-то Таро и мог одеть все сам, — все, кроме широкого пояса, который завязывался сзади бантом и придерживал платье, не давая ему распахнуться. Этот пояс всегда завязывала ему Такэй.

Когда Такэй вышла в сад, у нее на руке висел шелковый пояс. Таро также был еще без пояса.

— А я оделся раньше тебя! — крикнул он.

— Но ведь ты еще не одел пояс, — возразила ему Такэй.

— Ну, так что ж, ты тоже не одела! — сказал Таро. — Тогда, значит, никто и не выиграл из нас. Поди сюда, я завяжу тебе!

Таро попятился к сестре, и она мигом завязала ему сзади красивый бант. Затем она взяла свой пояс и сказала брату:

— Ну, теперь ты завяжи мне!

— Подожди, когда встанет мама, она поможет тебе, — отвечал Таро. — Мальчики не должны делать девочкину работу.

— О, Таро, пожалуйста, — попросила Такэй. — Я ведь завязала тебе пояс, почему же ты не хочешь завязать мне?

— Ты ведь слышала, что говорил отец, — возразил Таро. — Он сказал, что ты девочка и должна повиноваться мне. Тебе мама поможет завязать пояс.

— Отец говорил тоже, что ты должен быть. Всегда добрым и благородным и помогать мне, — и она искоса посмотрела на брата. — Ну, пожалуйста, Таро, сделай это для меня!

Таро подумал с минутой.

— Ну, ладно, — сказал он, наконец, — пойдем за беседку. Так и быть, на этот раз я завяжу тебе пояс. Только ты смотри, никому не рассказывай об этом, и в другой раз не проси меня¹⁾.

— Честное слово, никому не расскажу, — обещала Такэй. — Ты добрый и хороший мальчик, Таро.

Таро постарался завязать сестре пояс как можно лучше, однако бант вышел у него все-таки такой стран-

¹⁾ А посмотрел бы Таро, как у нас мальчуганы перемывают посуду в детском саду и школе наравне с девочками.

ный, что, когда через несколько минут его увидела мать, она подозвала к себе Такэй и сказала ей:

— Поди-ка сюда, моя крошка! У тебя бант завязан вверх ногами. Конечно, самой завязать сзади довольно трудно. Но я сейчас научу тебя, как можно завязать на себе красивый большой бант.

Такэй так и не сказала матери, что это Таро завязал ей пояс.

Когда близнецы были как следует одеты, они опять побежали по дорожке в сад. Ночью шел дождик, и все листочки на деревьях блестели, омытые дождем. Роса переливалась и сверкала на длинных зеленых листьях ирисов, которые росли по берегам крошечного ручейка, а золотые рыбки, плававшие в маленьком голубом озерке, казались под лучами яркого солнышка кусочками живого золота. В винограднике, росшем около дома, громко распевали птицы, а на старой каменной беседке, стоявшей около маленького озера, весело ворковали два ручных голубя. Это были любимцы Таро.

Таро подошел к ним и протянул вперед руки.

— Я не забыл кое-что принести вам! — сказал он.

Голуби тстчас слетели с крыши и опустились ему на руки. Таро вынул из своего широкого рукава, который вполне заменял ему карманы, горсточку риса и

стал кормить из рук голубей. Голуби были такие ручные, что иногда ели у него прямо изо рта.

— А я пойду покормлю рыбок, — сказала Такэй и побежала в кухню, где уже готовился завтрак. Скоро она вернулась оттуда, держа в руках две рисовых лепешки. Отломив от одной из них несколько маленьких кусочков, она бросила их в воду. Рыбки сейчас же заметили крошки и подплыли к самой поверхности. Тогда Такэй присела на корточки около воды. Смелые

рыбешки подплыли к ней и выщипывали хлеб прямо из ее рук; одна рыбка даже клюнула ее в палец. Такэй засмеялась.

— Вам надо позаботиться о своих манерах, — сказала она. — Разве это вежливо клевать меня за

палец, когда я вас кормлю? Может быть, вы воображаете, что я ваш завтрак?

В это время раздался звон маленького гонга.

— Динь, динь, динь, — запела Такэй в такт гонгу. — Завтрак готов!

И она побежала в припрыжку домой по усыпанной гравием дорожке. Ее волосы при этом тоже подпрыгивали вверх и вниз, концы пояса развевались по ветру, словно крылья, и издали девочка походила на большую голубую бабочку.

Таро тоже вернулся домой. Оба близнеца уехали в кухню на циновку и принялись завтракать. Мать и бабушка уже позавтракали вместе со служанками, и мать отнесла отцу завтрак в соседнюю комнату.

На нашей картинке нарисовано, как завтракают близнецы. Перед каждым из них стоит низенький столик из красного полированного дерева. На каждом столике поставлены две чашки; в одной чашке налит суп, а в другой положен рис. Таро схватил чашку с супом обеими руками. Он ужасно торопился.

— Ой, Таро! — воскликнула Такэй. — Что скажет мама? Ты должен лучше вести себя. Ведь ты же знаешь, что не так надо держать чашку.

Таро поставил чашку на стол и взял ее одной рукой. Такэй принялась за рис. В правой руке она держала две маленькие палочки. Она употребляла их вместо вилки или ложки. Однако Такэй тоже, вероятно, очень спешила. Она уронила несколько крупинок рису себе на платье. Таро заметил это.

— Ты тоже плохо воспитана, — сказал он. — Ронять рис на платье так же не хорошо, как и неправильно держать чашку.

— Ах, Боже мой! Значит мы оба с тобой оказались невоспитанными!—воскликнула Такэй.—Что теперь скажет наша мама?

— Ей будет стыдно за нас,—сказал Таро.

Когда близнецы кончили есть, они слышали чьи-то тяжелые шаги.

— Кто это пришел к нам?—спросил Таро.

— Я думаю, что это парикмахерша,—отвечала Такэй.

Они выбежали на веранду, чтобы посмотреть, кто пришел. На крыльце стояла пожилая женщина. Она только что сняла свои деревянные башмаки.

В Японии никто не входит в дом в тех башмаках, в которых ходит по улице. Войти в башмаках в комнату считается там очень невежливым. На подошвах башмаков можно принести в комнату грязь и испачкать нарядные белые циновки, покрывающие пол. Поэтому пришедшая женщина сняла свои деревянные башмаки на крыльце.

Такэй поклонилась ей и вежливо сказала:

— Охайо!

— Охайо!—ответила женщина.

Мать близнецов, услышав их голоса, подошла к двери и поклонилась женщине, которая в свою очередь также ответила ей низким поклоном.

— Войди,—сказала мать.—Я надеюсь, что ты постараешься сегодня, особенно красиво причесать меня, потому что мы идем сегодня в храм.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Твои волосы будут блестеть, как шелковые,—ответила она.

Мать достала свое маленькое зеркальце и села на пол. Парикмахерша встала позади нее и распустила ее длинные черные волосы.

Бот-Чэн уже давно проснулся. Таро играл с ним, сидя на полу. Мать позвала Такэй.

— Хорошо, если бы наш ребеночек поспал немного перед тем, как мы пойдем в храм,—сказала она.—Тогда он будет дорогой веселый и бодрый. Не хочешь ли ты уложить его спать.

Такэй больше всего на свете любила укладывать спать Бот-Чэна. Она взяла его на руки и нежно прижала к себе. Затем она стала медленно покачиваться взад и вперед, тихонько напевая песенку:

„Какой сильный и красивый вырастет наш мальчик. Когда он будет побольше, я сделаю для него садик и построю для его сокровищ Куру. Около домика я посажу сосны и бамбук, а рядом с бамбуком сливовые деревья. На ветках сливовых деревьев будут висеть серебряные колокольчики. Когда колокольчики зазвенят, как ты будешь радоваться, мой мальчик!“

Она снова и снова повторяла эту песенку и все нежнее прижимала к себе Бот-Чэна. Когда парикмахерша

кончила причесывать мать, Бот-Чэн уже крепко спал.

Тогда Натсу положила его на мягкую циновку и принялась причесывать Такэй.

Такэй стояла смирно, как подобает мужественной маленькой девочке, хотя ее волосы в нескольких местах сильно запутались, и Натсу немелосердно дергала их!

Когда каждый член семьи был одет и причесан, вся семья имела очень нарядный и праздничный вид. На всех были надеты кимоно из тончайшего шелка с семейным гербом, вышитым на спине и левом рукаве. Для Бот-Чэна тоже было приготовлено сегодня новое платье, которое бабушка и мать нарочно сшили ему для этого торжественного дня.

Когда все были готовы и собрались выходить, Натсу разбудила Бот-Чэна и надела на него новое платье.

— Ну, теперь мы можем отправиться, — сказала мать.

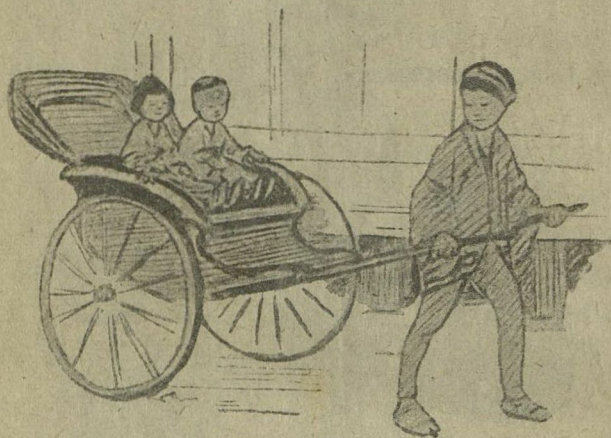
Она взяла на руки Бот-Чэна. Натсу открыла дверь, и они все вышли на крыльцо.

ГЛАВА III.

По дороге в храм.

Близнецы уже собирались надеть свои башмаки, как вдруг открылись ворота, и во двор вбежали трое незнакомых смуглых людей, тащивших за собой три

маленькие двухколесные колясочки. Они подбежали прямо к крыльцу и остановились перед ним. Такэй, только что поднявшая в это время ногу, чтобы затянуть на ней ремешки башмака, была так поражена появлением этих незнакомых людей, что не устояла на одной ноге и упала прямо на спину. Однако она сейчас же снова вскочила на ноги и, припрыгивая на одной ноге, подбежала к отцу, забыв, что ее второй башмак так и остался неодетым.

— Разве мы поедem, папа? — крикнула она, запыхавшись.

Отец засмеялся.

— Да, глупенькая, мы сейчас поедem в храм, — сказал он. — Ты с Таро сядешь вдвоем в одну коляску.

В Японии совсем нет таких извозчиков, как у нас. Там ездят в маленьких двухколесных колясочках, в которые впрягаются вместо лошадей люди. Эти люди, заменяющие наших извозчиков, называются джинрикшами.

Вы можете себе представить, как тяжела работа джинрикши. Он должен везти коляску с седоками, да еще бежать рысью. Это, конечно, очень вредно для

здоровья и только самые бедные японцы решаются делать работу извозчицкой лошади.

Близнецы так радовались предстоящей поездке, что не могли сидеть спокойно. Они осмотрели со всех сторон все три экипажа и всех трех джинрикш и потом спросили у отца:

— Можно нам, папа, поехать в этой коляске? У выбранного ими экипажа были красные колеса.

— Хорошо, поезжайте хоть в этой, — согласился отец.

Затем он сам влез в коляску с зелеными колесами, и коляска быстро покатила вперед. Мать близнецов, бабушка и Бот-Чэн уселись в следующий экипаж, и их джинрикша побежал рысцой за коляской отца.

— Смотрите, не отставайте от нас! — крикнула близнецам мать, обернувшись назад.

Близнецы до сих пор ни разу еще не ездили одни в таком экипаже. Они сидели выпрямившись и крепко

держась руками за края коляски, потому что она сильно подпрыгивала, а джинрикша бежал очень быстро.

— Мне кажется, что я сейчас похожа на принцессу, — шепнула Такэй брату.

После этого близнецы не разговаривали почти всю дорогу. Ведь очень трудно пользоваться в одно и то же время и глазами, и ушами, и ртом. Кругом было так

много интересного, что близнецам было совсем не до болтовни, и они только смотрели во все глаза.

Когда они ехали по улицам города, было еще раннее утро. Дети видели торговцев, переходивших из дома в дом со своими корзинами, подвешенными к длинной палке. Больше всего тут было продавцов овощей, рыбы, цветов и щеток.

Дети видели также маленьких девочек, которые играли в мяч или прыгали через веревочку, держа на спине своих младших братьев. При этом головы ребятишек ужасно болтались из стороны в сторону, но они не плакали, а преспокойно сидели себе на спине своих маленьких сестер, поглядывая на всех с важным видом.

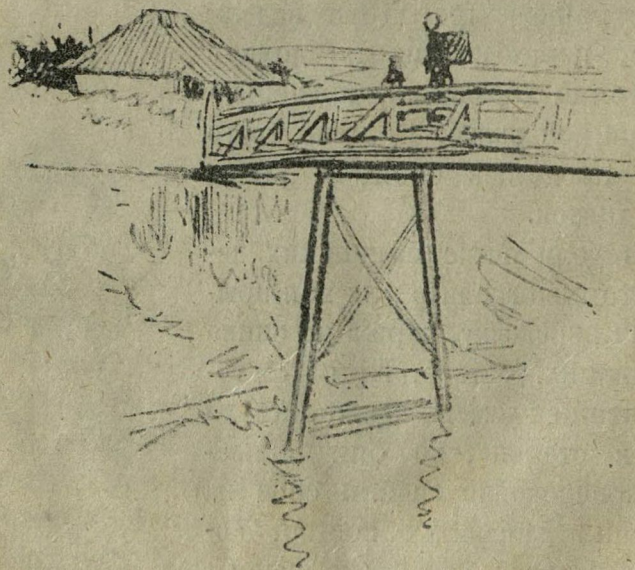

Близнецы проезжали мимо фруктовых лавок и магазинов, с готовым платьем, перед которыми на улице висели, раскачиваясь от ветра, нарядные кимоно, мимо маленьких лавченоч, где продавались бумажные фонари, мимо больших магазинов с чаем, шелковыми материями и всякими другими товарами.

Потом они увидели старого нищего, который переходил из дома в дом, протягивая свою чашку за подаянием.

На одной из улиц плотники строили новый дом, а при повороте за угол близнецы увидели красивый мост, перекинутый через канал.

Когда близнецы подъехали к парку, окружавшему храм, джиприкши остановились, и они вышли из экипажей. Мать близнецов посадила Бот-Чэна себе на спину, и все отправились в храм; впереди шел с гордым видом отец; за ним с такой же важностью выступали близнецы, а мать, бабушка и Бот-Чэн замыкали шествие, и имели еще более важный вид.

Они шли по широкой аллее, обсаженной с обеих сторон высокими кедами. Вдоль всей дорожки тянулся целый ряд ларьков, украшенных флагами и разноцветным фонариками. Когда ветер раскачивал фонарики, издали казалось, что это громадный сад, пестреющий всевозможными цветами.

Перед входом в храм был устроен небольшой каменный жолоб, наполненный чистой прозрачной водой. На поверхности воды плавал деревянный ковшик с длинной ручкой.

— Подите сюда!—сказал отец.

Близнецы, бабушка и мать, с Бот-Чэном на спине, подошли к жолобу и встали около него, протянув вперед руки. Отец зачерпнул ковшиком воды и полил им на руки.

Когда руки чисто были вымыты, все пополоскали рот и вошли в преддверие храма. Там было еще больше ларьков, чем в саду, и толпилось так много народу, что отец взял близнецов за руки и все время крепко держал их, боясь, чтобы они не затерялись в толпе.

Он подвел их сперва к тому ларьку, где продавался жареный горох и рис, и купил Таро на маленькой тарелочке немножко гороха, а Такэй горсть риса. Близнецы не понимали, зачем отец купил им это, пока они не подошли к маленькому стойлу, где стояла крошечная белая лошадка. Даже глаза у нее были белые.

— Чья это лошадь, отец?—воскликнули за-раз оба близнеца.

— Эта лошадь принадлежит Куэннюн, — ответил отец.—Таро, покорми ее горохом!

Таро протянул вперед тарелочку. Лошадь опустила в нее морду и съела весь горох. Потом она, пофыркивая, обнюхала рукав Таро, словно просила еще покормить ее.

Такэй погладила лошадь по спине.

— Кто это Куэннюн?—спросила она.

— Добрая богиня, которая любит маленьких детей, — сказал отец.

— Она живет здесь?—спросил Таро.

— Этот храм построен в честь ее, — ответил отец, — и люди приходят сюда молиться ей. Мы тоже сегодня пришли сюда для того, чтобы попросить ее позаботиться о нашем Бот-Чэне.

— А за нас ты просил ее?—поинтересовалась Такэй.

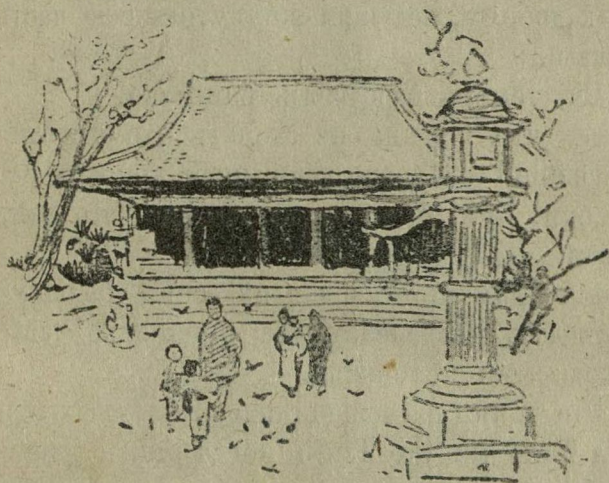
— Да, когда вам обоим исполнился один месяц, мы тоже приносили вас сюда и молились за вас.

— Значит, Куэннон заботится обо всех детях?— снова спросила Такэй.

— Да, она любит всех детей и заботится об них.

— Вот бедня-то!—воскликнула Такэй.—Сколько ей наверно хлопот с такой большой семьей! И как она может справиться с ней?

Отец засмеялся.

— Я никогда не замечал, чтобы Куэннон заботилась обо мне,—сказал Таро.

— Мы часто не замечаем того добра, которое нам делают,—заметил отец,—тем более, что мы не можем видеть самих богов. Но, несмотря на это, мы все-таки должны любить их и молиться им ¹⁾.

Близнецы вышли из преддверия храма в маленький, закрытый со всех сторон, дворик. Целая стая белых голубей слетелась к их ногам.

¹⁾ Отец и сам не замечал, как Таро, что боги помогают людям. Он повторяет слова жрецов. А правда ли это, конечно, и он не знает.

— Покорми их, Такэй,—сказал отец.—Эти голуби тоже принадлежат Куэннон.

Такэй бросила голубям горсть рису. Голуби быстро склевали зерна. Их постоянно кормили здесь, поэтому они были такие жирные, что едва могли летать.

В другом ларьке отец купил несколько кусочков благовонной смолы и спустил их в свой рукав. В его широком рукаве могло поместиться больше, чем во всех карманах какого-нибудь мальчика. Когда они подошли к дверям, ведущим во внутреннюю часть храма, отец сказал:

— Ну, теперь надо снять башмаки.

Только что успели они сделать это и войти в храм, как висевший на дворе громадный колокол начал звонить: „бум! бум! бум!“ и так громко, что даже воздух задрожал.

Самый храм представлял из себя большую мрачную комнату, разделенную на несколько частей высокими красными колоннами.

— Это точно настоящий лес из высоких деревьев,—шепнул Таро на ухо Такэй, когда они входили в храм.

— Да, мне даже страшно,—ответила ему также шопотом Такэй.—Здесь так темно!

Прямо против входной двери висел другой колокол. С его языка свешивался вниз длинный красный флаг, а под ним стоял ящик, закрытый сверху решеткой. На ящике сидел большой белый петух.

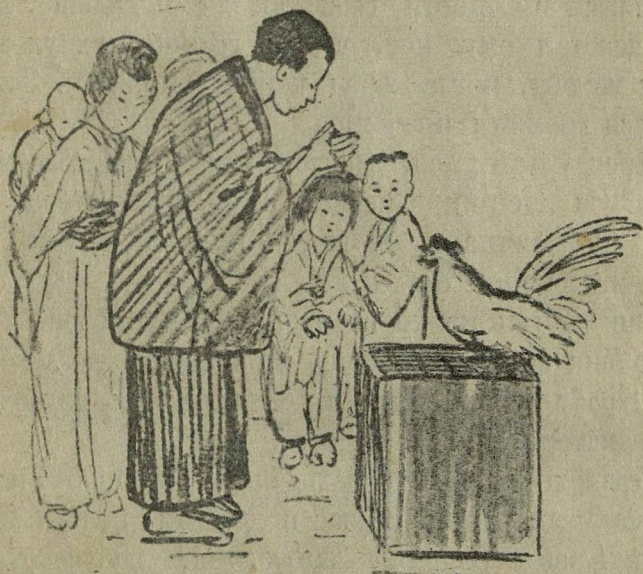
Отец потянул за флаг и позвонил в колокол. Затем он бросил в ящик монету; она громко звякнула, ударившись о дно ящика.

„Кук-а-дудль-ду!—закричал петух, точно обрадовавшись деньгам, хотя эта монета, конечно, предназначалась не ему, а жрецам.

— Петух благодарит тебя!—воскликнула громко Такэй.

— Ш-ш!—шепнула ей мать.

Отец вытащил из своего рукава четки. Он надел их на руки и, наклонив голову, стал молиться про себя. Мать, бабушка и дети смиренно стояли около него. Когда отец кончил молиться, вошел жрец.

Отец поклонился ему.

— Укажи нам путь в алтарь Куэннон!—почтительно попросил он.

В дальнем конце храма находился большой алтарь, украшенный фонариками и флагами. Подходя к нему, люди становились на колени и молились. Перед входом в алтарь стояла жаровня, в которой курилась благовонная смола.

— Идите за мной!—сказал жрец и повел их в алтарь.

Отец снял Бот-Чэна со спины матери и взял его себе на руки. Жрец прочитал молитву и благословил Бот-Чэна. Тогда отец вынул из рукава купленные ку-сочки смолы и бросил их в жаровню. Над жаровней поднялись густые клубы дыма, и воздух наполнился сильным, сладким запахом. Дым попал Бот-Чэну в нос; это не понравилось Бот-Чэну. До сих пор он вел себя вполне безукоризненно и, если бы не дым, вероятно, продолжал бы вести себя так же и дальше. Но дым так щекотал ему нос, что он громко чихнул как раз в тот момент, когда жрец кончил молитву. Затем он залился громким плачем.

Жрец улыбнулся. Однако отцу было совсем не до смеха. Он поспешно передал Бот-Чэна матери.

— Мы мешаем другим молиться, — сказал он. — Пойдемте скорее отсюда.

Они вышли из храма и опять одели свои башмаки. Когда они снова очутились на свежем воздухе, Бот-Чэн сразу успокоился и, свернувшись клубочком на спине матери, сладко заснул.

Недалеко от храма находился большой вишневый сад, который стоял сейчас в полном цвету. Под деревьями везде сидели кучки людей, любуясь нежными белыми цветами. Кругом играли ребятишки; в уголке сада стоял хорошенький чайный домик.

Бабушка первая увидела его.

— Мне очень хочется пить, — сказала она.

— И мне тоже! — воскликнула Такэй.

— И мне, — сказал Таро.

— Мы все были бы не прочь выпить чего-нибудь, — заметил отец.

Перед домиком, под густыми деревьями, стояло несколько простых деревянных скамеек; вся семья близнецов расселась на них, и молоденькая служанка из

чайного домика принесла поднос с чаем и сладкими рисовыми пирожками.

Близнецы сидели на скамейке, прихлебывая свой чай и разглядывая проходивших мимо них людей, любовались нежными вишневыми цветами, белевшими на фоне синего неба, и чувствовали себя очень счастливыми.

Мать всю дорогу несла Бот-Чэна на спине и, должно быть, немного устала. Она сказала, обращаясь к отцу:

— Если ты хочешь, пройдишь с близнецами дальше, мы с бабушкой останемся здесь и отдохнем немного. Потом вы можете зайти за нами.

— Хотите посмотреть зверинец?—предложил близнецам отец.

Таро и Такэй сразу вскочили с своего места, взяли за руку отца и пошли по обе стороны его в другую часть сада.

Там были устроены клетки, в которых сидели львы, тигры, обезьяны, зебры, слоны и всевозможные другие животные. Были тут также и птицы; особенно красивы были попугаи с красными и голубыми перьями и золотистыми хвостами; на пруду плавали дикие утки. Два красивых белых лебедя, похожих на два корабля с поднятыми белыми парусами, подплыли к тому месту, где стояли близнецы, словно прося, чтобы их покормили.

Отец достал из своих широких рукавов, заменявших ему карман, горсть рису и гороха и дал детям. Тогда Такэй принялась кормить лебедей, а Таро больших рыб, которые плавали около берега, высываясь из воды и поглядывая на детей своими круглыми глазами. Когда Таро бросал в воду горох, вся стайка рыб накидывалась на него, стараясь вырвать друг у друга добычу. Когда рыбы ели, они производили ртом какой-то странный звук вроде хрюканья свиньи.

Покормив животных, дети вошли с отцом в маленький узкий переулочек. В этом переулочке, кажется, было собрано все, что только могло доставить детям удовольствие. Были тут и всевозможные фокусники, и торговцы игрушками и разными сластями, расхаживавшие кругом с своими корзинами, подвешенными к длинной палке. По переулку двигалась густая толпа народа. Особенно много тут было детей; и у всех были такие веселые улыбающиеся лица. Не успели близнецы пройти нескольких шагов, как навстречу им попалась пожилая женщина. Она также несла на плече длинную палку, к которой была подвешена небольшая жаровня с горячими углями. В руках у женщины был маленький горшечек с тестом, кувшинчик с сладким соусом, суповая ложка и сковорода.

— Не хочешь ли ты состряпать себе лепешку?— обратилась она к Такэй.

Такэй захлопала в ладоши.

— Можно мне, папа?—спросила она.

Отец достал из своего рукава несколько мелких монет и подал их женщине, которая поставила жаровню на землю.

Такэй засучила рукава, поставила сковородку на уголья, налила в нее ложкой теста и поджарила на сковородке лепешку сначала с одной стороны, а потом с другой. Затем она положила ее на тарелку и залила сверху соусом. Все это было так интересно! Прежде всего Такэй, конечно, угостила своего отца. Он съел лепешку с удовольствием и сказал одобрительно:

— Я еще ни разу в жизни не ел такой вкусной лепешки, моя уважаемая дочка! Угости и своего брата; ему она наверно тоже очень понравится.

Японцы отличаются всегда большой вежливостью и часто называют друг друга „уважаемый“ или „почтенный“. Обращаясь к брату, Такэй так же вежливо заметила:

— Уважаемый братец, не хочешь ли ты попробовать моих гадких лепешек?

В Японии считается невежливым хвалить то, что вы сами сделали. Потому-то Такэй и назвала свои лепешки „гадкими“.

— Да, я очень люблю их,—сказал Таро.

Тогда Такэй налила на сковородку еще немного теста.

Она все время внимательно следила за тем, чтобы лепешка не подгорела. Когда она достаточно подрумянилась с обеих сторон, Такэй подала ее брату. Таро в одну минуту съел ее; затем он сказал важно:

— Уважаемая сестрица, я готов съесть шесть таких лепешек.

Отец засмеялся.

— Ну,—сказал он,—если ты собираешься есть шесть штук, мы никуда больше не успеем сходить. Такэй должна еще состряпать одну лепешку для самой себя, а потом мы пойдем дальше.

Такэй живо приготовила себе лепешку. Хотя она сама только что назвала их вслух „гадкими“, она подумала теперь про себя, что никто не сумел бы состряпать таких вкусных румяных лепешек, какие приготовила она на этой маленькой жаровне. Когда она доела последний кусочек, все трое вежливо поклонились женщине:

— Сайонара!—сказали они. (Это значит по-японски „прощай!“).

— Сайонара!—ответила им женщина, также низко кланяясь.

Близнецы пошли с отцом дальше. Скоро они добрались до ужасно смешного, словно кукольного сада, где было множество крошечных сосен, очень похожих на ту, которая росла в садике близнецов. Кроме сосен, в саду были и фруктовые деревья и бамбуки, но все они были ужасно маленькие, гораздо ниже близнецов. Из-за деревьев мелькал крошечный чайный домик, а через небольшой прудок был перекинут мостик.

— О!—закричала с восхищением Такэй.—Если бы на этих деревьях висели еще маленькие серебряные колокольчики, этот сад совсем походил бы на тот, о котором я пела песенку Бот-Чэну. Давай, Таро, играть, что мы великаны!

— Но тогда мы должны громко кричать, потому что великаны всегда орут,—сказал Таро.

— Если ты хочешь, то можешь кричать, а я не стану. Я лучше буду играть, что я очень хорошо вос-

питанная лэди-великанша и прогуливаюсь в своем собственном саду. Моя голова упирается в облака, а каждый мой шаг равняется целой версте.

Она подобрала подол своего платья, закинула назад голову, чтобы казаться выше, и, подняв кверху свой маленький носик, пошла по дорожке, делая нарочно большие шаги. Таро пошел вслед за ней, издавая какие-то грозные вопли.

Вдруг один из башмаков на ноге Такэй подвернулся на-бок, и, прежде чем Такэй могла опомниться,

она уже лежала на животе на земле. Она сразу забыла, что „хорошо воспитанной“ лэди-великанше совсем не полагается плакать, а начала кричать так же громко, как Таро.

Отец близнецов шел впереди детей. Он чуть не подпрыгнул кверху, услышав позади себя такой шум. Близнецы никогда еще так не кричали.

— Что с вами случилось?—спросил он, вернувшись назад.

Он поднял Такэй с земли и поставил ее на ноги.

— Мы были великаны,—всхлипывала Такэй.

— Ее голова была до самых облаков,—объяснил Таро.

— Но ведь великаны тоже должны хоть одним глазом смотреть себе под ноги, когда они идут гулять,—сказал отец.—Ушиблась ты?

— Да, немногo,—продолжала всхлипывать Такэй.— Но, кажется, я ничего себе не сломала.

— Ну, великаны не так-то легко ломаются,—успокоил ее отец.—У тебя живо все пройдет, как только мы начнем лезть на башню.

— На какую башню?—в один голос спросили близнецы.

— Вон на ту,—видите, она там видна из-за деревьев.—И отец показал рукой на высокую башню. — Хотите вы влезть со мной на ее верхушку?

— Да,—закричал Таро.—Мы ведь совсем не устали!

— И ничего себе не сломали,—прибавила Такэй.

Они пошли к башне и начали взбираться на нее. Однако, сколько они ни лезли кверху, длинной темной лестнице, казалось, совсем не будет конца.

— Эта башня наверно доходит до самого неба,—сказала, вздыхая, Такэй.

— А я уверен, что она никогда не кончится,—проворчал Таро.

Но как раз в эту минуту они вышли на открытую площадку. Какой вид им открылся с нее! Весь город лежал перед ними, как на ладони. Дети видели серые крыши домов, зеленые деревья, улицы с снующими по ним взад и вперед людьми, при чем эти люди казались с башни такими же маленькими, как муравьи; дальше, за городом, протянулись синими лентами реки и каналы, блестели озера, зеленели поля. Близнецам казалось, что они видят перед собой весь мир.

— Посмотрите-ка сюда!—вдруг крикнул им отец.

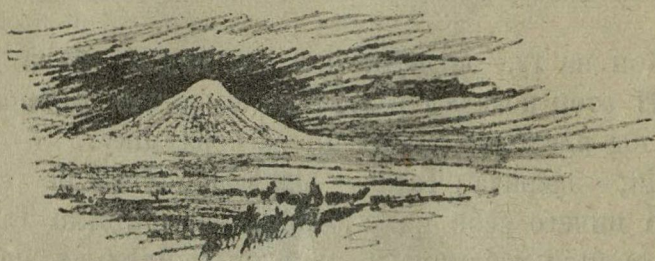
Близнецы подняли голову и увидели прямо перед собой вершину огромной горы, отчетливо выступавшую на фоне синего неба. Самая вершина казалась совсем розовой, словно на ней горело солнце, а немного пониже лежали длинные синие тени. Гора выступала из

облаков и тумана, и издали казалось, что она плавает в воздухе.

Близнецы захлопали в ладоши.

— Это Фузи-яма!—закричали они.

— Да,—сказал отец.

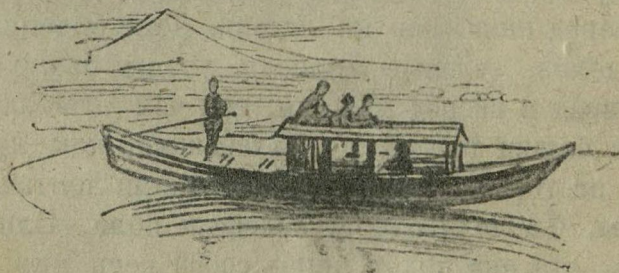

— Это Фузи-яма, самая красивая гора на свете.

— Мы теперь совсем не похожи на великанов,—вздыхнув, заметила Такэй.

Таро согласился с ней.

Долго любовались близнецы горой; затем они начали медленно спускаться с темной лестницы, крепко держась за руку отца. Они зашли за матерью, бабуш-

кой и Бот-Чэном, которые все еще сидели в вишневом саду.

— Пора нести Бот-Чэна домой!—крикнула им еще издали мать, увидев их.—Становится уже поздно.

— О, папа, нельзя ли нам побыть здесь еще немного,—попросила Такэй.

— Да, пожалуйста, — прибавил Таро.

— Но если мы вернемся сейчас, мы сможем еще прокатиться на лодке, — сказал им отец.

Это так понравилось детям, что они уже не протестовали больше. Они спустились к пристани, где стояла красивая большая лодка; в ней свободно разме-

стилась вся семья. Отец с близнецами уселся на плоской крыше каюты. Лодочник оттолкнулся шестом от берега, и лодка медленно поплыла вниз по реке. По

обоим берегам ее раскинулись чайные плантации и рисовые поля, на которых работали, стоя по колена в воде, мужчины в больших круглых шляпах и женщины в платках на голове. Когда лодка проезжала мимо деревень, близнецы видели побуревшие соломенные крыши домов, выглядывавших из-за зелени деревьев. Раза два или три близнецам удалось даже увидеть людей, едущих в [довольно странном экипаже—

в большой корзинке, подвешенной к длинному шесту, который несли на плечах два человека.

Наконец, лодка подъехала к той пристани, которая была совсем недалеко от дома близнецов. Как обрадовались близнецы, увидев снова знакомую крышу! Они побежали вперед, чтобы первыми добраться до дома. Добежав до крыльца, они вдруг остановились в изумлении, увидев перед дверью множество деревянных башмаков и услышав гул голосов, доносившихся из комнаты.

— Как ты думаешь, кто это у нас?—спросила Такэй брата.

— Не знаю,—ответил Таро, снимая свои башмаки и поднимаясь на крыльцо.

Близнецы широко распахнули дверь.

— Охайо!—приветствовал их целый хор голосов.

Комната была полна их родственниками. Таро и Такэй были очень удивлены; однако они вспомнили, что всегда должны вести себя учтиво, и потому встали на колени, и поклонились до земли.

— А где же ваши отец, мать, бабушка и Бот-Чэн?— спросили их родственники.—И почему вы все вернулись так поздно?

— Мы приехали домой на лодке и по дороге часто останавливались,—объяснил Таро.

Скоро подошли и родители близнецов. Сперва все церемонно раскланялись друг с другом; затем послышался веселый смех и оживленные разговоры. Бот-Чэн все время переходил с рук на руки. Все восхищались им и говорили, что это чудесный мальчуган. При этом одни находили, что он похож на отца, другие—на мать, третьи—на бабушку. Кто-то даже нашел в нем сходство с близнецами.

Каждый из родственников принес что-нибудь в подарок Бот-Чэну. Чего-чего тут только не было! И игрушки, и рис, и леденцы, и маленькие пирожки, и одна шелковая материя, и другая. Но лучше всего была хорошенькая игрушечная собачка. Она показана на нашем рисунке. Близнецы подумали, что Бот-Чэн наверно не будет знать, что ему делать с такой кучей

подарков, и решили про себя, что помогут ему справиться хоть с леденцами.

Бот-Чэн, повидимому, был очень доволен своим положением. Он сосал свой большой палец и поглядывал на всех присутствовавших с важным видом. Когда ему подарили собачку, он вздумал засунуть ее себе

в рот, но Натсу унесла его прочь и уложила в постель. Тогда все принялись пить чай и закусывать, пока не пора было расходиться по домам.

Близнецы долго не могли заснуть в этот вечер. Только-что спряталась Такэй под свое мяг-

кое теплое одеяло, как снова высунула оттуда голову и посмотрела на Таро, лежавшего в другом конце комнаты.

— Таро!—шопотом окликнула она брата.

Таро тоже высунул из-под одеяла голову. Такэй увидела это, так как свеча, стоявшая как раз позади кровати Таро, довольно сильно освещала комнату.

— Тебе не кажется, что с сегодняшнего утра прошла уже целая неделя?—спросила она. — Мы столько насмотрелись сегодня!

— Да, такого хорошего дня наверно никогда больше не будет!—ответил Таро.

— А что тебе больше всего понравилось?—снова спросила Такэй.—Расскажи мне, тогда и я тебе расскажу.

И дети рассказали друг другу, что им особенно понравилось сегодня. Но было ли это джинрикша, вишневый сад, зверинец или катанье на лодке—об этом я уже предоставляю догадываться вам самим.

ГЛАВА IV.

Дождливый день.

Когда близнецы проснулись на следующее утро, было холодно, и по крыше барабанил дождь. Дети не могли сразу выглянуть в окно, чтобы посмотреть, что творится в саду, потому что в японских домах не бывает стеклянных окошек. Вместо стекол в окна вставляют там красивые рамы, на которые натягивается белая полупрозрачная бумага. Такие экраны ставят у нас иногда перед камином.

Таро отодвинул в сторону экран и выглянул в сад.

— Совсем мокро!—сказал он. — Мы не можем сегодня играть в саду.

— Ну, ничего, нам будет весело и дома,—утешила его Такэй. — Я могу придумать много интересных игр.

— Я тоже могу придумать, если постараюсь,—сказал Таро.

— Ну, так постарайся, пожалуйста,—попросила Такэй.

Пока близнецы одевались, они все время придумывали, во что бы им потом играть. Так как сегодня было холодно, они надели на себя по три кимоно, и от этого казались очень толстыми.

— Я придумала одну игру!—вдруг воскликнула Такэй, надевая последнее кимоно.

— Я тоже,—сказал Таро.—После завтрака мы сначала сыграем в твою игру, а потом в ту, которую придумал я.

Когда они позавтракали, мать пошла проводить отца на работу, после этого она должна была еще купить Бот-Чэна; поэтому близнецы обратились за помощью к бабушке.

— О, Ба Сан (это значит „уважаемая бабушка“),—сказала Такэй,—сегодня на улице холодно и идет дождь,

поэтому мы будем играть дома. Можешь ты дать нам разноцветного песка?

— Ах, я знаю теперь, что ты хочешь делать!—закричал Таро.

Бабушка принесла детям четыре ящичка. В одном из них лежал желтый песок, в другом черный, в двух остальных ящичках был красный и синий песок. Бабушка дала детям еще по листу белой бумаги.

— Спасибо, о, Ба Сан!—сказали близнецы.

Они разложили бумагу на полу. Один лист взял себе Таро, другой взяла Такэй.

— Я нарисую кораблик, плывущий по морю,—сказал Таро.

Он взял в правую руку горсточку синего песка и стал медленно сыпать его между пальцами на бумагу, пока у него не получилось синее море.

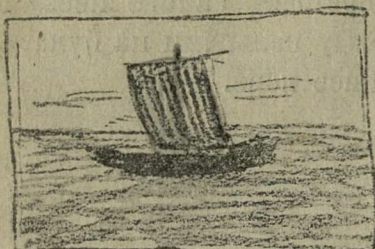

— Теперь я сделаю желтое небо, какое бывает вечером перед закатом солнышка,—и он начал сыпать на бумагу между пальцами левой руки желтый песок.— А на желтом небе я сделаю еще красные облака,—эти облака Таро сделал из красного песка. Когда небо было готово, он взял горсточку черного песка и сделал из него кораблик.

На нашем рисунке показано, какую картину сделал Таро, только у него она была не черная, а цветная.

Парус у кораблика Таро сделал синим, потому что у него не было белого песку.

— Ах, Таро, как это красиво!—невольно воскликнула Такэй. — Я уверена, что моя картина будет гораздо хуже. Что бы мне сделать?.. Ах, я придумала! Я сделаю озеро и на берегу его дерево.

Она взяла немного голубого песку и сделала из него маленькое озерко. Потом из черного песку она сделала ствол и сучья дерева. При этом у ней нечаянно рассыпался черный песок, и на голубой воде получились черные крапинки.

— Ой, что я сделала!—воскликнула она.—Я просыпала черный песок.

Таро посмотрел на ее рисунок.

— Сделай на этих местах зеленые листья, — посоветовал он.

— Нет, здесь не должно быть листьев, — сказала Такэй.

Она взяла в одну руку горсточку синего песку, а в другую желтого и за раз высыпала на бумагу тот и другой песок. Тогда синий и желтый песок, смешавшись, сделался зеленого цвета, и дерево покрылось сверху зеленой листвою.

— Я придумала, что мне сделать из этих черных крапинок! — воскликнула Такэй. — Пусть это будет у меня рой пчел.

На нашем рисунке вы можете видеть картину Такэй. На берегу озера стоит дерево, и к нему летят черные пчелки.

— А твоя картина вышла нисколько не хуже моей,—сказал Таро.

— Ах, нет, твоя гораздо лучше!—поспешила вежливо заметить Такэй.

Близнецы показали бабушке готовые картины, и бабушка очень похвалила их.

— Ну, а теперь скажи мне, во что ты хотел играть, Таро?—спросила Такэй, когда весь песок был убран на место.

— Для этого мне надо сначала сходить в сад,—отвечал Таро.

— Надень деревянные башмаки, возьми зонтик и не оставайся под дождем дольше одной минуты,—сказала ему бабушка.

Таро надел башмаки, открыл зонтик и выбежал в сад. Такэй никак не могла догадаться, что он хочет сделать. Она следила за ним через полуотворенную дверь.

Таро перебегал от одного дерева к другому, осматривал их стволы, заглядывал под листья, словно искал что-то. Затем он присел на землю и схватил кого-то рукой.

— Одного я уже поймал!—воскликнул он.

— Кого?—крикнула Такэй.

— Жука!

Скоро Таро нашел и второго жука. Тогда осторожно, стараясь не причинить им вреда, он принес обоих жуков домой и посадил их в картонную коробку. Затем он принес еще лист бумаги и маленький перочинный ножик.

— Таро, что ты хочешь делать?—спросила, сгорая от нетерпения, Такэй.

— Если ты и бабушка поможете мне, я сделаю две маленьких колясочки и запрягу в них жуков.

— А жукам не будет больно?—спросила Такэй.

— Нет, мы делаем это осторожно,— отвечал Таро.

Такэй побежала за нитками, а Таро пошел к бабушке, чтобы попросить ее помочь им. Бабушка всегда была готова помочь близнецам. Через некоторое время на полу уже стояли две маленькие, очень искусно сделанные бумажные колясочки с крошечными

бумажными же колесами. К каждой колясочке Таро привязал спереди нитку. Затем он открыл коробку и вынул из нее жука. Другой жук не дождался и вылетел сам. Это был большой черный жук, он полетел прямо к Такэй и запутался в ее черных волосах.

Может быть, жук просто хотел спрятаться в них, но у него были большие черные челюсти, которыми он больно защебил нежную кожу на толстенькой шейке Такэй.

Такэй покатила на пол, громко завизжав от страха. Мать услышала ее крики и тотчас прибежала к ней на помощь. Сбежались и все служанки, чтобы узнать, в чем дело.

— Ой, ой, ой!—плакала Такэй.

Она не могла выговорить ни слова и, продолжая кричать, только отчаянно царапала свою шею. На-

прасно старались все добиться от нее, что с ней случилось.

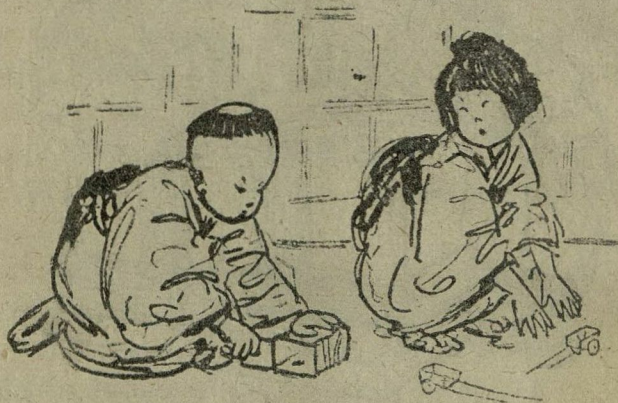
— Я знаю, знаю!—вдруг воскликнул Таро.

Он встряхнул волосы Такэй, и оттуда вылетел черный жук. Таро поймал его.

— С ним ничего не случилось,—сказал он.

— Но со мной случилось!—хныкала Такэй.

Мать и бабушка обмыли укушенное место на шейке Такэй и начали утешать ее. Такэй скоро успокоилась, снова почувствовала себя такой же счастливой, как

прежде, и продолжала свою, так внезапно прерванную, игру. Вместе с Таро она привязала ниточкой жуков к коляскам.

— Один жучок будет мой, а другой твой,—сказал Таро,—и они побегут у нас на перегонки.

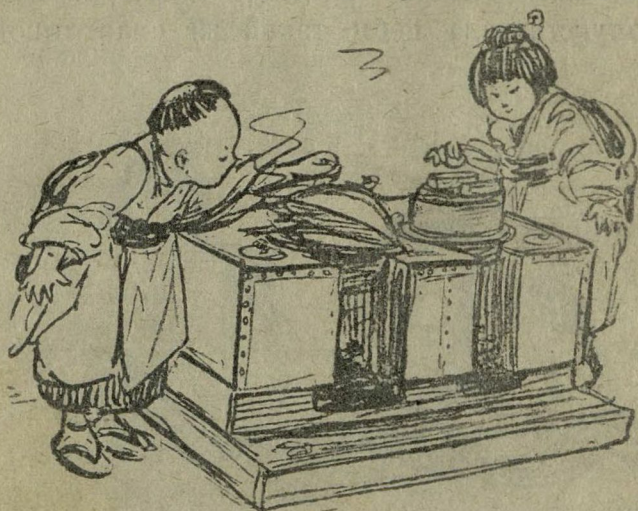
Он пустил жуков на пол. Жучки сейчас же начали ползти и потащили за собой коляски. Жук Таро приполз первым. Дети долго играли с жуками, пока бабушка не сказала им:

— Ну, теперь пустите жуков на волю. Сейчас, будет готов обед.

Близнецы уже успели проголодаться. Они распрягли жуков и унесли их на веранду. Там они посадили их на перила.

— Летите к себе домой! — громко крикнули они жукам и побежали в кухню, чтобы узнать, что готовится сегодня к обеду. Из кухни пахло так аппетитно!

Такэй подошла к плите и подняла у большого котелка крышку. Плита у близнецов была устроена очень странно, совсем не так, как у нас. На картинке на-

рисована эта плита и близнецы, заглядывающие в котелок.

— Здесь рис! — сказала Такэй.

— Конечно, — заметил Таро. — Ведь ты же знаешь, что в этом котелке всегда бывает рис. А что вот здесь?

Он заглянул в другой котелок. В нем что-то кипело, и из котелка валил такой горячий пар, что Таро чуть не обжег себе нос. В этом котелке варилась рыба.

Когда обед был готов, бабушка, мать и оба близнеца уселись все вместе обедать. Бот-Чэн крепко спал.

После обеда бабушка сказала:

— Ну, теперь я пойду немного соснуть.

— Мы не будем шуметь и постараемся не разбудить тебя и Бот-Чэна,—сказал Таро.

Когда маленькие столики были убраны, мать сказала близнецам:

— Пойдемте, дети, посидим около хибаччи и погреемся немного.

„Хибаччи“ называется в Японии особая печка, которая бывает почти в каждом японском доме. Она сделана в виде открытого четырехугольного металлического ящика, в ящике всегда лежат горячие угли. Обыкновенно каждый член семьи имеет для себя такую отдельную маленькую печку, но иногда близнецы предпочитали усесться всем вместе перед одной большой хибаччи и поплотнее прижаться к матери.

Мать взяла четырехугольную железную раму и положила ее сверху на хибаччи. Затем она достала из шкапа теплое одеяло и постелила его на раму, а на полу перед хибаччи разложила одну большую подушку и по бокам ее две маленьких.

Когда все было готово, мать села на большую подушку; Таро уселся по одну сторону ее, а Такэй по другую. Они натянули себе на колени нагретое одеяло — и как тепло и уютно стало им тогда!

— Расскажи нам что-нибудь, уважаемая мамочка! — попросил Таро.

— Да, пожалуйста, расскажи! — попросила Такэй.

— Погодите, дайте мне сперва подумать. Что бы такое рассказать вам? — Мать прижала палец к бровям и несколько минут раздумывала.

— Расскажи нам про „Волшебный чайничек“, — попросила Такэй.

— Нет, лучше про „24 образцовых человека“, — сказал Таро.

— Какие это образцовые люди? — спросила Такэй.

— Это те, которые поступают всегда лучше всех, и которым мы должны стараться подражать, — объяснила ей мать.

— Значит и ты, мамочка, тоже из образцовых людей? — спросила Такэй.

— Нет, — воскликнула мать. — Где мне сравниться с ними!

— Ну, тогда, значит, образцовых людей совсем нет на свете, — решительно объявила Такэй, — потому что никто не может быть лучше тебя.

Мать засмеялась.

— Подожди, пока я расскажу тебе про них, — сказала она, и начала рассказывать:

„Как-то раз жил на свете один маленький мальчик. Он был очень добрый и любил своих родителей. Вы

даже не можете себе представить, до чего он был добр, хотя ему было всего только шесть лет. Мальчик был очень красивый, у него была тонкая нежная кожа и большие ясные глаза.

Дом, в котором этот мальчик жил со своими родителями, стоял посреди рисовых полей. Весной поля заливались водой, и тогда над ними кружилось множество moskitov. Мальчик видел, как страдали от moskitov его родители, и решил спасти их. И вот каждую ночь он ложился голый на циновку, moskity набрасывались на него и кусали его нежную кожу, а родители мальчика таким образом были спасены от их укусов“.

— Какой он был храбрый!—воскликнула Такэй. — Я очень боялась бы moskitov.

— Ты и жуков боишься, — презрительно сказал Таро.

— Ну, так что ж! — возразила Такэй. — А все-таки я предпочла бы, чтобы жук кусал меня, чем мамочку.

— Может быть, и ты тоже будешь со временем образцовой девочкой, — сказала мать. — Хочешь, я расскажу тебе про одну маленькую девочку, которая спасла жизнь своему отцу? Она любила его больше всего на свете. Как-то раз ей пришлось пойти с отцом в джунгли ¹⁾, где на них напал тигр. Тогда девочка бросилась навстречу тигру и сжала своими ручонками его челюсти, так что отец ее успел убежать.

— И тигр съел ее?—спросила испуганно Такэй.

— Я думаю, что да,—ответила мать.

— А как ты думаешь, мамочка, хорошо сделала девочка, что спасла своего отца? — снова спросила Такэй.

¹⁾ Джунгли—непроходимая болотистая чаща.

— Конечно, очень хорошо!—воскликнула мать.

— Ну, а отец хорошо сделал, что убежал и оставил свою дочку на съедение тигру?

— У нас в Японии жизнь женщины не так ценится, как жизнь мужчины,—ответила мать.

Такэй сердито ударила рукой по подушке.

— Я не понимаю, как могла девочка любить и уважать своего отца, который поступил так гадко,—сказала она.

— Но ведь она же любила его,—возразила ей мать.

— Расскажи нам еще про кого-нибудь,—попросил Таро.

— Только, пожалуйста, мамочка, не рассказывай нам больше про образцовых людей!—воскликнула Такэй.

— Почему?—спросила мать.—Разве ты не хочешь еще послушать про одного хорошего мальчика, который ложился на холодный лед, чтобы лед протаял от

теплоты его тела, и мальчик мог поймать несколько штук рыб на обед своей злой мачехе.

— Нет, нет мамочка, пожалуйста, не рассказывай про него! — воскликнула Такэй. — Все родители этих образцовых людей ужасно злые и гадкие.

— Перестань, моя милая девочка, — остановила ее мать. — Ты не должна говорить так. Мы все обязаны любить и уважать наших родителей.

— Да, — сказала Такэй, — мы очень любим и уважаем тебя и нашего отца, но это потому, что вы всегда так добры к нам.

Она положила обе руки на циновку и поклонилась своей матери до земли. Таро не захотел отстать от сестры; он сполз с подушки на пол и тоже низко поклонился матери.

— А теперь, мамочка, пожалуйста, расскажи нам про „Волшебный чайничек“! — попросила Такэй.

— Много лет тому назад... — начала было мать.

Вдруг из того угла, где на подушке спал Бот-Чэн, послышался слабый писк, и одеяло начало шевелиться.

— Бот-Чэн проснулся, — сказала мать. — Я должна теперь пойти к нему. „Волшебный чайничек“ подождет до следующего раза.

Как раз в это время на бумажном экране появились яркие солнечные пятна, и на них красивыми узорами заколебались тени от листьев.

— Солнышко выглянуло! Солнышко выглянуло! — закричали близнецы.

Они выбежали на крыльцо, надели свои деревянные башмаки и через несколько минут уже весело прыгали в саду под лучами яркого солнышка.

ГЛАВА V.

День рождения Такэй.

Больше всех дней в году Таро и Такэй любили день своего рождения. Собственно говоря, их рождение должно было бы праздноваться в один день, потому что они были близнецы, но в Японии все мальчики празднуют свое рождение в один день, а все девочки в другой.

Рождение Такэй должно было наступить раньше, чем рождение Таро. Такэй уже заранее высчитала, в какой день оно придется, так как постоянно спрашивала мать:

— Ну, мама, сколько теперь осталось дней?

И мать прекрасно понимала, что Такэй хотела сказать: „сколько осталось дней до моего рождения?“.

И вот, проснувшись однажды утром, Такэй громко воскликнула:

— Теперь осталось всего шесть дней!

На следующий день она сказала:

— Теперь только пять дней!

И вот, наступил, наконец, долгожданный день, когда, проснувшись утром, она сразу выпрыгнула из постели и закричала во все горло:

— Мое рождение сегодня! Сегодня!

Таро, напротив, кажется, совсем не собирался сегодня вставать. Услышав радостные возгласы Такэй, он еще глубже зарылся носом в подушку и притворился спящим.

Дело в том, что он отлично помнил прошлое рождение Такэй. Все мальчики тогда ужасно скучали, потому что девочки в этот день играли только в куклы. Не даром же день рождения всех девочек называется в

Японии „Праздником кукол“. Таро же не особенно любил кукол.

Перед завтраком отец взял Такэй в Куру. Он снял с верхней полки большой красный ящик, в котором лежали куклы, затем достал другой ящик немного поменьше и отнес оба ящика домой.

Хотя было еще очень рано, мать уже успела по случаю дня рождения Такэй вставить в вазу свежий букет цветов. Постели были убраны, и к стене была

приставлена маленькая лестница в пять ступеней. Такэй прекрасно знала, для чего все это было устроено.

— О, — воскликнула она, — все уже готово! Можно мне теперь открыть ящик?

— Да, — сказала мать.

Она присела на пол рядом с Такэй и помогла ей открыть крышку. Ящик был до верху наполнен куклами. Представьте только себе — целый сундук кукол! Их было тут 35 штук.

Прежде всего Такэй вытащила из сундука большую куклу в нарядном шелковом платье, на котором были вышиты хризантемы.

— О, вот и императрица! — весело воскликнула она и посадила куклу на пол, прислонив ее спиной к сундуку. Затем она побежала в другую комнату, чтобы принести оттуда свою старую куклу, с которой она никогда не расставалась. Куклу звали „Утренняя Заря“, но иногда для краткости Такэй называла ее просто „Заря“. Кукла спала обыкновенно в постели Такэй.

— Ах ты, соня ты этакая! — воскликнула девочка. — Вставай скорее! Разве ты не знаешь, что у тебя сегодня будут гости? Куда девались твои хорошие манеры, дитя мое?

Она отнесла Утреннюю Зарю к сундуку и поставила ее на колени перед императрицей.

— Поклонись ей! — приказала она. Утренняя Заря поклонилась, но так неловко, что упала на пол прямо на нос.

— Что с тобою сделалось, мое бедное дитя? — сказала Такэй. — Мне придется серьезно заняться тобой. Разве можно быть такой неуклюжей? Ведь ты совсем сломаешь свой нос, если будешь кланяться так низко.

Такэй нагнулась над ящиком и осторожно вынула оттуда вторую куклу, также одетую в нарядное шелковое платье. Это был император. Такэй посадила его рядом с императрицей.

Эти две куклы принадлежали еще бабушке Такэй. Она играла ими раз в год, в день своего рождения.

Когда эти куклы перешли к матери Такэй, она также берегла их и доставала из ящика только в день рождения девочек. Поэтому куклы до сих пор очень хорошо сохранились.

Мать покрыла все пять ступенек лестницы красивой шелковой материей. Такэй посадила императора и императрицу посредине верхней ступеньки. Затем она достала из сундука остальных кукол.

Тут были мальчики и девочки, дамы в нарядных платьях и маленькие ребятки в коротких химоно, привязанные к спинам взрослых кукол.

Такэй рассадилась всех кукол по ступенькам. Скоро лесенка так переполнилась куклами, что одна маленькая куколка, посаженная слишком близко к краю, упала на пол. Такэй подняла ее и привязала к спине Утренней Зари.

— Я знаю, ты помотришь за ней и не дашь ей упасть—сказала она.

Такэй открыла второй ящик и вытащила оттуда маленькую плиту, несколько синих, с белым узором, кукольных тарелок и два маленьких лакированных столика. Пока она расставляла все это на ступеньках лестницы, отец принес ей новый ящик. Он поставил его на пол перед лестницей. Однако Такэй была так занята своими куклами, что сперва даже не заметила нового ящика. Когда же она, наконец, увидела его, она воскликнула, всплеснув руками:

— О, папа, неужели это мне?!

— Да, тебе.

— О, спасибо! Спасибо!

Она подбежала к ящику, подняла крышку и увидела в нем хорошенький игрушечный домик, совсем такой же, как тот, в котором она сама жила. У этого домика была такая же веранда, и раздвижные стены, и буфет, и кукольные постели. В домике была даже ниша с крошечным какемоно (так называются в Японии узкие длинные картины, которые вешают на стену, и столиком с вазой; в вазе стоял букет цветов; пол домика был устлан цыновками

Такэй осмотрела весь домик, подняла цыновки, попробовала раздвинуть стены, затем поставила свою маленькую плиту в кухню. Она была так довольна, что сначала даже не могла сказать ни слова. Подбежав к отцу, она бросилась перед ним на колени.

— Спасибо тебе, милый, уважаемый отец!

Когда пора была завтракать, Такэй объявила, что покормит сперва кукол.

— С моей стороны было бы очень невежливо завтракать прежде моих гостей, — объяснила она.

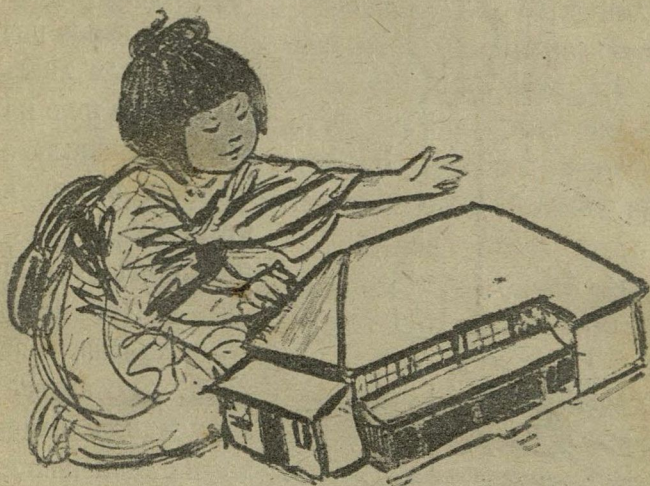
Мать улыбнулась.

— Ну, что ж, — сказала она, — тогда покорми сперва своих кукол; всегда следует быть вежливой.

Такэй поставила перед императором и императрицей два лакированных столика, положила на них несколько маленьких палочек и поставила две тарелочки с рисом.

В это время вошел Таро, протирая себе глаза. Он все еще не вполне очнулся от сна.

— Таро!—крикнула ему Такэй,—посмотри, какой у меня новый домик.

Дом понравился Таро не меньше, чем Такэй. Когда он заметил стоявшую в кухне маленькую плиту и на ней чайник, он спросил сестру:

— Отчего ты не разведешь в плите настоящий огонь?

— Да разве это можно?—воскликнула Такэй.

Обыкновенно детям запрещалось играть с огнем, однако на этот раз, по случаю дня рождения Такэй, мать согласилась.

— Ну, хорошо,—сказала она,—так и быть, сегодня я позволю вам взять из грелки три маленьких уголька и положить в вашу плиту; только на всякий случай я буду сидеть возле вас.

В грелке всегда лежали горячие угли. Мать дала Таро маленькие щипцы, похожие на щипцы для сахара. Таро взял ими три уголька и положил их в кукольную плиту. Такэй налила в чайник воды. Скоро вода закипела, и из носика чайника повалил пар.

— Я могу приготовить настоящий чай! — кричала Такэй.

Она взяла несколько чайных листьев и положила их в маленькие чашечки; затем она налила в эти чашки кипятку и поставила их перед куклами.

— Ну, теперь ты сама должна позавтракать, — сказала мать и усадила близнецов за их маленькие столики.

Пока они ели, Таро пришел в голову отличный план.

— Я устрою для твоего домика сад, — сказал он.

— О, вот-то будет хорошо! — воскликнула Такэй.

Едва кончив есть, дети побежали в сад. Служанки доставали из колодца воду.

— Мне тоже надо воды, — сказал Таро.

Тогда служанки пропустили Таро к колодцу, и Таро сам вытащил ведро воды. Затем он разыскал где-то крышку от старого ящика и наполнил ее песком. В

песок он вкопал чашку с водой; это должно было изображать у него пруд. Наломав маленьких веточек, он воткнул их в песок вместо деревьев. Затем Таро устроил маленькую горку, совсем такую же, какая была у них в саду, и перекинул через пруд мостик. Берег пруда Таро выложил хорошенькими гладкими камешками. Когда все было готово, близнецы поставили сад рядом с домиком и посадили Утреннюю Зарю около пруда.

Но тут случилось ужасное несчастье! Заря снова свалилась и на этот раз так неловко, что угодила прямо головой в пруд. Ее голова ушла под воду, но ноги были такие длинные, что остались торчать наружу. Она совсем утонула бы, если бы Такэй не поспешила ее вытащить.

Пока Такэй вытирала лицо Утренней Зари, в сад пришла нарядно одетая мать. На спине ее сидел, весело улыбаясь, Бот-Чэн.

Такэй подбежала к нему и обняла его толстенные ножки.

— Ты самая лучшая кукла! — воскликнула она.

— Ну, бери свою куклу, а я возьму свою, — сказала ей мать, — и пойдем гулять. Так как Такэй надела сегодня утром, по случаю своего рождения, нарядное кимоно, ей незачем было теперь переодеваться. Мать помогла ей привязать на спину Утреннюю Зарю и они вышли из ворот.

На улице было много народу. Больше всего тут было маленьких девочек с привязанными к спине куклами. Все они шли со своими матерями в большой игрушечный магазин. Каждой девочке были подарены сегодня деньги, чтобы она могла купить себе новую куклу.

Такой болтовни, смеха и вы наверное еще никогда не слышали! И какие все были нарядные, веселые и улыбающиеся!

В магазине на прилавках были навалены горы кукол, которые рассматривала и перебирала целая толпа девочек. Такэй выбрала себе маленькую куколку с таким смешным пучком черных волос на макушке головы.

— Пожалуйста, дайте мне вот эту, — сказала она, протягивая торговцу деньги; тот подал ей выбранную куклу.

— Утренняя Заря, — сказала девочка, обернувшись назад через плечо, — я хочу тебе сегодня подарить маленького братца.

Утренняя Заря, повидимому, очень обрадовалась этому, и Такэй разрешила ей носить своего братца, сколько ей этого захочется. Затем Такэй купила на свои деньги маленькую смешную куколку

для Бот-Чэна. У этой куклы совсем не было ног, но когда Такэй клала ее на стол, кукла сейчас же снова вскакивала. Такэй назвала ее „Дарума“.

Бот-Чэну очень понравилась Дарума. Он засунул ее голову себе в рот и с преважным видом начал сосать ее

Только теперь Такэй заметила в магазине О Кику Сан. Это была самая лучшая подруга Такэй; она жила недалеко от близнецов. О Кику Сан купила себе большую куклу в красном кимоно и привязала ее себе на спину.

— Не зайдешь ли ты ко мне на обратном пути?— пригласила она Такэй.

— Можно мне, мама?—спросила Такэй.

Мать позволила ей, и обе девочки весело побежали к дому О Кику Сан. По дороге к ним присоединилось еще несколько подруг. У О Кику Сан было столько же кукол, сколько и у Такэй, и все они тоже были рассажены на ступеньках лестницы. Только маленького кукольного домика, какой получила сегодня Такэй, у О Кику Сан не было.

— Пойдемте теперь все ко мне, — сказала Такэй, когда девочки уже рассмотрели всех кукол О Кику Сан.

И они побежали веселой гурьбой к домику близнецов, где Таро все еще возился с устройством сада для сестры. Из обломков старого ящика он сделал маленький колодец и Куру, которую поставил посреди сада. Девочки пересмотрели всех кукол Такэй. Кукольный домик всем очень понравился. Когда же они увидели сделанный Таро сад, они еще более пришли в восторг.

Таро был очень доволен и горд тем, что его сад так понравился всем, однако сказал скромно:

— С вашей стороны очень мило хвалить мой сад.

Мать близнецов принесла детям сладких рисовых пирожков. Служанки расставили посреди комнаты несколько маленьких круглых столиков, и Такэй поставила на них свою кукольную посуду—крошечный чайник и такие же крошечные чашки. Затем она зава-

рила чай. На десерт гостям подали засахаренные бобы и горох. Дети угостили также и кукол. Был уже вечер, когда все гости вежливо раскланялись с Такэй и ее матерью, сказали им: „Сайонара!“ и пошли домой.

В этот день Такэй было позволено лечь спать, когда она сама захочет. Она досидела до 8 часов. Прощаясь со своими куклами, она крепко поцеловала каждую из них.

— Сайонара! Сайонара!—говорила она.—Прощайте, мои куклы! Целый год не увижу я вас!

Затем она взяла на руки свою старую Утреннюю Зарю и легла вместе с ней спать.

ГЛАВА VI.

Таро и Такэй поступают в школу.

Проснувшись однажды утром, Таро и Такэй услышали, как отец с матерью разговаривали между собой. Они думали, что близнецы все еще спят. Мать говорила отцу:

— Как ты думаешь, не пора ли Таро и Такэй начать ходить в школу?

— Пожалуй,—согласился отец.—Ведь им еще много надо учиться, пускай они начнут пораньше. А ты уже переговорила об этом с учителем?

— Да, я его видела вчера; он сказал, что дети могут прийти к нему сегодня. Я уж все приготовила, что нужно.

Таро и Такэй переглянулись между собой.

— Как ты думаешь, приятно ходить в школу?—шопотом спросила Такэй.

— Не знаю,—так же шопотом ответил ей Таро.—Я думаю, что это и должно быть весело.

Дети еще не начали одеваться, когда в комнату вошла мать.

— Вода уже готова, Таро, — сказала она. — Иди скорее купаться! Вам надо торопиться сегодня, потому что с сегодняшнего дня ты и Такэй начнете ходить в школу.

Близнецы каждый день купались в теплой воде. Только обыкновенно они проделывали это вечером,

перед тем как ложиться спать. В отдельной маленькой комнатке стояла большая бочка с водой. К ней примыкала небольшая печка, которая нагревала воду. Таро пошел в эту комнату и полез в бочку. Сделать это было не так легко, потому что бочка была очень высокая. Наконец, по сильному всплеску мать и Такэй догадались, что он спрыгнул в воду.

И вдруг из бочки раздались отчаянные крики:

— Ой, ой, ой! Вытащите меня, скорей вытащите! Я совсем сварился.

Мать и Такэй со всех ног бросились ему на помощь. Из бочки торчала только голова Таро. По щекам его

катились слезы, рот был открыт, и он не переставая кричал: „Ой, ой, ой!“.

Мать пощупала рукой воду.

— Но ведь вода совсем не такая горячая, Таро,— сказала она.—Посмотри, моя рука свободно терпит ее.

— Ой, ой!—кричал Таро, не слушая ее, и старался вылезть из бочки.

Мать подлила в бочку немного холодной воды, тогда Таро сразу перестал плакать.

— Таро,—воскликнула испуганная Такэй,—неужели ты, правда, совсем сварился?

— Почти,—сердито фыркнул Таро.—Я теперь такого же цвета, как красный дракон, и у меня наверно слезет вся кожа.

Так как вода теперь стала холоднее, голова Таро снова исчезла в бочке. Несколько минут он молча плескался в воде, затем крикнул оттуда, словно оправдываясь:

— Я уверен, что самый храбрый мальчик стал бы кричать, если бы его вздумали сварить!

Его голос, вышедший из бочки, казался ужасно странным и гулким.

Скоро наступила очередь купаться Такэй. Она довольно долго молча плескалась в воде, затем выставила из бочки голову и крикнула с гордостью:

— Я тоже сварилась, а все-таки не кричу!

— Да, теперь вода совсем не горячая, — презрительно сказал Таро.

Когда дети кончили купаться, они надели чистое кимоно. Потом они позавтракали и к семи часам были уже совсем готовы, чтобы идти в школу.

Мать дала каждому из близнецов бумажный зонтик на случай дождя и повесила им на левую руку шелковому мешочку, в который поставила маленький

горшочек с рисом, чтобы было чего поесть детям в полдень. Затем она дала каждому из детей книжку, совершенно новенькую тетрадку и такие же новенькие счеты. На проволоках, натянутых на раму счетов, были надеты блестящие стеклянные бусины. Близнецы были очень горды своими тетрадками и счетами.

— Ну, ступайте теперь,—сказала им мать.

Дети хорошо знали дорогу. Они пошли по улице, чувствуя себя теперь уже совсем большими. Мать следила за ними, стоя в воротах.

Когда близнецы повернули за угол и скрылись из вида, она вернулась в дом и, схватив на руки Бот-Чэна, крепко прижала его к себе.

— Подольше не вырастай большим, моя крошка,—сказала она.

Таро и Такэй встречали по дороге других мальчи-

ков и девочек, которые все тоже шли в школу. И у каждого в руках были книжка, тетрадка и счеты. Дети собрались в школу раньше учителя.

Им пришлось ждать учителя довольно долго. Наконец, они услышали постукиванье его деревянных башмаков. Тогда все дети выстроились в ряд. Таро и Такэй были крайними в этом ряду. Когда вошел учитель, дети низко поклонились ему.

— Охайо!—крикнули они.—Милости просим, уважаемый учитель!

И они втянули в себя воздух с легким присвистом. Это считается в Японии очень вежливым. Учитель поклонился детям. После этого каждый из детей побежал к своей подушке, лежавшей на полу, и уселся на нее. Таро и Такэй не знали, куда им идти, так как они в первый раз были в школе.

Учитель принес каждому из близнецов по подушке. Затем он поставил рядом с ними два маленьких, точно кукольных, шкафчика с выдвигаемыми ящиками. В ящиках была тушь и кисточки. Сам учитель тоже сел на пол на подушку.

Он сказал детям, на какой странице нужно раскрыть книги. Таро и Такэй не могли найти этого места, но О Кику Сан, сидевшая к ним ближе всех, показала им.

Учитель дал Таро и Такэй по маленькой палочке, затем он сказал, обращаясь ко всем детям:

— Я сейчас буду называть вам буквы, а вы следите за мной, и каждый раз указывайте назван-

ную букву палочкой, тогда вам легче будет запомнить ее.

И учитель начал читать. Таро и Такэй внимательно слушали его и указывали палочкой ту букву, которую называл вслух учитель. При этом они так усердно тыкали в книгу палочкой, что даже прорвали на одной странице большую дыру. Я уверена, что и вы сделали бы что-нибудь подобное, если бы вам пришлось запомнить наизусть чуть ли не тысячу букв. Ведь японская азбука гораздо труднее нашей.

Таро и Такэй очень обрадовались, когда учитель сказал: „Ну, теперь мы займемся арифметикой“. Близнецы вытащили свои новые счеты. Учитель показал детям, как надо считать, передвигая на счетах бусинки. Близнецам это очень понравилось. Потом учитель велел ученикам написать выученные буквы в своих тетрадях. Дети писали их тушью, старательно выводя буквы тоненькими кисточками. Японцы всегда так пишут.

У Таро и Такэй буквы вышли ужасно громадные и неуклюжие, а тетрадка их так промокла от туши, что учитель сказал им: „Возьмите свои тетради на двор и развесьте их там для просушки. Затем, идите сейчас все завтракать“.

Дети собрали свои тетради и мешочки с рисом и выбежали на двор. Близнецы выбрали себе хорошенькое тенистое местечко и уселись там завтракать. К ним подседа и О Кику Сан. Близнецам было очень весело; им казалось, что они устроили настоящий пикник

В половине третьего кончились все уроки, и близнецы побежали домой. Мать с Бот-Чэном на руках уже поджидала их, стоя на веранде.

— Посмотри-ка, что мы выучили сегодня!—закричали близнецы и показали ей буквы, которые они выучили сегодня утром.

— Это очень хорошо для первого раза,—похвалила их мать. И она спрятала бумагу с кривыми неуклюжими буквами в шкаф.—Я покажу это отцу, когда он вернется домой,—сказала она.

ГЛАВА VII.

Рождение Таро.

Мне очень жаль, что я не могу подробно рассказать вам о всех праздниках, которые Таро и Такэй проводили так весело, но этих праздников было так много, что описание их заняло бы по крайней мере две книги.

В Японии почти каждому цветку посвящен какой-нибудь день в году. Там есть, например, праздник вишен, праздник ирисов, праздник хризантем, когда все едут за город и целый день проводят среди этих цветов.

Когда наступил праздник лотосов, близнецы встали очень рано, еще до восхода солнца и вместе с учителем и остальными детьми отправились на пруд, где цвели лотосы.

Когда все собрались у пруда, учитель сказал детям:

— Тише, слушайте!—и все присмирели и сидели тихо, как мышки.

Как только взошло солнце, цветы лотоса начали один за другим раскрываться; при этом они производили звук, похожий на выстрел: поп! поп! поп! Детям это очень нравилось.

— Цветы приветствуют солнце,—говорили они.

В Японии один из самых интересных дней в году—это день Нового года. Тогда каждый мальчик вместе со своим отцом и дедушкой пускает на улице змейков. И каких удивительных змейков! Тут и рыбы, и драконы, и звезды самой причудливой формы и самых ярких цветов.

Но об одном дне, дне рождения Таро, я все-таки не могу не рассказать вам более подробно. В этот день

не только один Таро праздновал свое рождение, это был день рождения всех японских мальчиков. Празднование его обыкновенно продолжается в Японии целых пять дней подряд.

В первый день этого длинного праздника Таро проснулся очень рано, он был почти так же взволнован, как была взволнована Такэй в праздник кукол. Одна-

ко Такэй в день рождения своего брата не валялась долго в постели. Она вскочила так же быстро, как и Таро, потому что сгорала от нетерпения поскорее увидеть множество интересных вещей, которые должны были случиться сегодня, хотя она и знала, что ей самой не придется принимать в них участия.

Прежде всего она пошла с отцом и Таро в Куру, чтобы принести оттуда флаги. День рождения всех мальчиков называется в Японии праздником флагов.

Такэй взяла с собой в Куру и Бот-Чэна. Она посадила его к себе на спину.

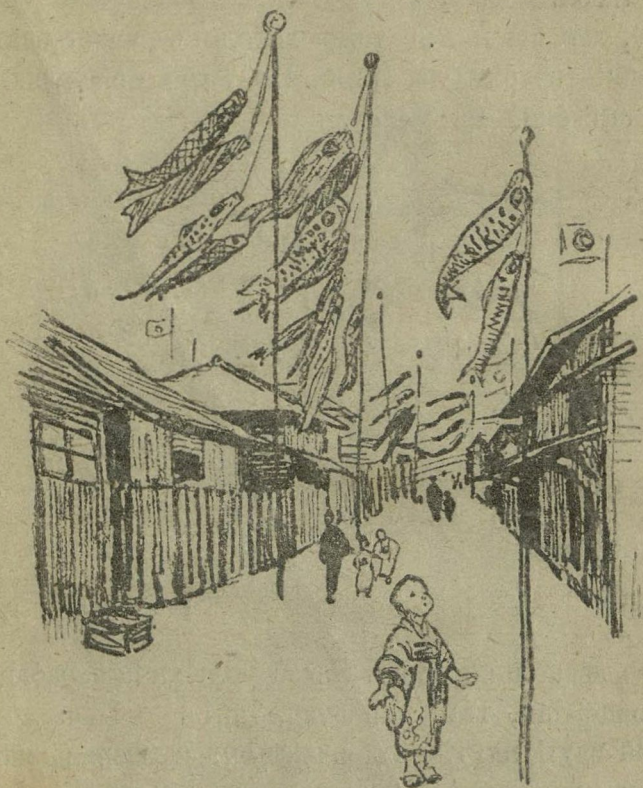
— Ведь сегодня и его рождение, — сказала она, — поэтому он тоже должен пойти с нами.

В Куру стоял длинный бамбуковый шест. Отец взял этот шест и воткнул его в землю перед домом. Потом он принес две бумажных рыбы; они были ужасно большие, больше даже самого Таро. У рыб были круглые глаза и раскрытые рты, к которым была привязана веревочка.

— Одна из этих рыб будет для Таро, а другая для Бот-Чэна,—сказал отец,—ведь у нас в доме два мальчика.

Он привязал рыбу к шесту. Ветер надул ее, и через несколько минут на шесте уже извивались, точно живые, две громадные рыбы.

Вдоль всей улицы почти перед каждым домом был воткнут в землю шест, на котором висели одна, две, а иногда даже три или четыре рыбы.

— Господи, сколько мальчиков на свете!—воскликнула Такэй.—Я даже не могу их сосчитать!

Улица походила издали на цветущий сад. В воздухе болтались рыбы, драконы и разноцветные флаги.

Отец с близнецами вернулся домой. Таро был так взволнован, что за завтраком почти ничего не мог есть. Наскоро проглотив последний кусок, он вскочил с своего места и при этом чуть не опрокинул стол.

— Придешь ты посмотреть наши процессии?—спросил он Такэй.

— О, как бы и мне тоже хотелось участвовать в процессии!—вдохнула Такэй. Но Таро не слушал ее; он уже выскочил на улицу.

Через несколько минут Такэй услышала барабанную дробь: рап-а-тап, тап! рап-а-тап, тап!

— Они идут! идут!—закричала она и позвала мать и отца. Мать посадила Бот-Чэна себе на спину, Такэй схватила отца за руку, и они поспешили к воротам. Все служанки также сбежались туда; даже старая бабушка вышла посмотреть процессию. Все пропустили бабушку вперед, чтобы ей лучше было видно.

Скоро из-за угла показалась процессия мальчиков. Впереди всех шел мальчуган с громадным флагом. За ним с важным видом выступал довольный Таро (он был

„генерал процессии“), а за Таро шли остальные мальчики. Каждый из них держал в руке небольшой флаг.

— Посмотрите, какой Таро важный! — закричала Такэй.

Она влезла на ворота и начала махать ему своим

маленьким флагом. Однако Таро даже не взглянул на нее и с важным видом прошел мимо.

„Руб-а-дуб“! дуб—это был другой барабан. Из-за угла вышла вторая процессия мальчуганов.

Рап-а-тап, тап! Рап-а-тап, тап! Все мальчики, следовавшие за Таро, вошли прямо в сад близнецов. Про-

ходя мимо отца, матери, Бот-Чэна и бабушки, Таро помахал им в знак приветствия рукой, громко крича: „Банзай! банзай!“. По-японски это значит „ура!“. Все отвечали ему тем же. Такэй слезла с ворот и побежала за мальчиками на веранду.

Мать угостила каждого мальчика рисовым пирожком и засахаренными бобами.

— Мы все очень проголодались,—сказал Таро.

Тогда мать принесла им еще пирожков, которые мальчики тоже быстро съели; потом они играли до самого обеда, и только тогда разошлись по домам.

После обеда Таро достал свои волчки и начал пускать их. У него было два волчка, один из них был с музыкой. Только-что Таро завел его, как вдруг услышал на улице сильный шум. Он бросил волчки и побежал посмотреть в чем дело.

Почти прямо против их дома акробаты давали уличное представление. Таро увидал взрослого мужчину, маленького мальчика и наряженную в платье обезьянку. Сперва показывали фокусы мальчик и обезьянка. Мужчина поставил себе на плечи лестницу. Мальчуган быстро взобрался на нее и повис в воздухе, зацепившись за верхнюю ступеньку лестницы носками ног.

Целая толпа ребятишек сбежалась посмотреть на представление. Пришла и Такэй. Висевший на лестнице мальчик схватил руками веер и начал обмахиваться им. Затем он снова вскочил на ноги и, стоя на лестнице на одной ноге, отвесил детям низкий поклон.

Таро и Такэй едва дышали от страха. Они так боялись, что мальчик упадет и расшибется.

Между тем мальчик перебросил веер обезьяне. Обезьяна схватила его и начала им обмахиваться, а мальчик ловко спрыгнул с лестницы на землю.

В это время подошла мать близнецов. Ей стало жалко мальчика и обезьяну.

— Пойдемте ко мне,—сказала она,—я вам дам чего-нибудь поесть.

Тогда мужчина, мальчик и обезьяна вошли в сад, а за ними побежали и все ребятишки. Мать принесла

им чаю и рисовых лепешек. Фокусники от души благодарили хозяйку, а обезьянка встала на колени и поклонилась до самой земли.

Когда все лепешки были съедены и чай выпит, гости сказали: „Сайонара! Сайонара!“. Обезьяна вспрыгнула на плечи хозяина, и они опять вышли на улицу.

Таро и Такэй не пошли за ними, так как мать сказала им, что скоро будет ужин. Они уселись на верхней ступеньке крыльца.

— Твое рождение прошло так же весело, как и мое,—сказала Такэй.

— Гораздо веселей,—заявил Таро.

— А что, Таро, это правда, что мы теперь стали совсем, совсем большие?

— Да,—сказал Таро,—нам ведь уже исполнилось 6 лет.

— А кем ты будешь, когда тебе исполнится семь или восемь лет?— снова спросила Такэй.

— Я еще сам не решил,—ответил Таро.—Вероятно генералом или фокусником. А ты?

— Да кем же я могу быть?—сказала Такэй.—Если я буду очень очень хорошей девочкой, я наверно скоро выйду замуж, и тогда жена моего сына должна будет меня слушаться.

В это время близнецы услышали, что мать зовет их ужинать. Сегодня они ужинали гораздо позднее, чем обыкновенно; сейчас было уже почти совсем темно.

В маленьком садике от деревьев легли длинные тени. В винограднике лениво перекликались между собой сонные птички. Цветы ириса наклонили свои пурпуровые головки к маленькой золотой рыб-

ке, плававшей в пруду. Все дышало миром и тишиной.

Прежде чем пойти ужинать, близнецы несколько минут молча смотрели на затихший сад.

— Спокойной ночи!—крикнули они заснувшим цветам и птичкам и помахали им рукой.

20 000 =

no. 0002

ЦЕНА 60 КОП. Л.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1922